

10 SEPTEMBRE 1935 **LES COSAQUES LIBRES** VIIIe ANNEE

182

10 СЕНТЯБРЯ 1935 г. 10 ВЕРЕСНЯ 1935 р.

ПАРИЖ **PARIS**

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й РІК ВИДАННЯ 8-ий

Ю. Пилтон

Содержание:

1. **О. Ходькевич – Сапсай:** Молитва.
2. **Владимир Куртин:** Виноград.
3. **Сергей Чепурной:** На могиле друга.
4. **Иван Назаров:** ***
5. **И. К. Скубани:** Казаки на чужбине.

---

6. Трагедия Казачества.
7. **Николай Посохов:** Путями предков.
8. **Гавриил Павлов:** Восстание в станицах Заплавской и Бессергеневской весною 1918 года.
9. Детская страница.
10. Думы и мысли.
11. Казачья эмиграция.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

«ДОБРОВОЛЬЦЫ И СОВРЕМЕННЫЕ СОБЫТИЯ»

21 июля с. г. в Париже, на собрании Союза добровольцев – первопоходников, член Союза Воронченков сделал доклад на тему «Добровольцы и современные события».

Основные мысли докладчика, вызвавшие (по словам «Последних Новостей») единодушное одобрение собравшихся, были таковы: У России искренних друзей почти нет; имеющиеся же друзья сами еще не совсем окрепли и помощь ей оказать не в силах. Враги же, и при том явные, угрожают России и с Востока, и с Запада, и всячески стараются использовать ее слабость. В предстоящей борьбе идейное добровольчество участия на стороне врагов не примет... «П. Н.» 3 августа, № 5245).

Козацтво — наша ціль

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

Наш девиз — Казачья воля

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: **инж. И. А. Билый**

Редакция и администрация: **10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)**

№ 182 *Вторник 10 сентября 1935. — Вівторок 10 вересня 1935.* № 182

О. Ходькевич - Спасай

Молитва

Поздоров нам, Боже милосердний, Батька-
Отамана:
Нехай по-вік батькує з розумом Козацький
Голова!
Шануймо добре всі його, як в старину
Гетьмана,
Щоб легко й довго в його у руці трималась
булава!

Поздоров, Боже жилосердний, усе Вільне
Козацтво,
Дай мочі й розуму нам добре витримать свою
мечту:
Щоб не виводилось ніколи серед нас юнацтво,
Щоб довести гуртом до краю свою думоньку
святу.

Пошли нам, Боже милосердний, найбільше
сили й снаги,
Щоб було легко зрятувати Козакию — Рідний
Край.
Дай Отаманам і всьому Козацтву хисту та
відваги,
Та всіх легесенько й повольно до гурту
приєднай.

10 липня 1935 р.

Владимир Куртин

Виноград

(Окончание)

Два сына уже вернулись со службы. Третий — Георгий — в Петербурге учится. Дочерей выдал замуж. В садах и в поле уже помогают внуки и внучки.

Зимними вечерами Андрей Прохорович читает. Кроме специальной литературы о винограде и виноградстве, его любимейшая книга: «Жизнь Иисуса» Ренана. Любил читать Толстого, но с его «непротивлением злу» не соглашался.

На столе тихо мурлычит самовар. Анна Мареевна у плиты вяжет чулки. Внучата играются у ее ног, за низким круглым столиком. Андрей Прохорович дальнозоркий. Далеко от глаз держит книгу. И не спеша, а, как любил говорить сам, «с чувством, с толком, с расстановкой» читает. Анна Мареевна внимательно слушает, а вязальные иглы проворно бегают в ее руках. Андрей Прохорович совсем не религиозен, а его Нюра еще меньше.

— Конечно, Бог есть, говорикал Андрей Прохорович. — Но он совсем не такой, каким нам его показывают попы...

— Я не верю в Бога, который на земле имеет своих наместников.

— Чем мы лучше, скажем, черешни? говорила Анна Мареевна. Пока молоды, цветем и рожаем; постареем — высушимся, а умрем — сгнием... Вот и все!

К иногородним относились не то чтобы нетерпимо, а просто, считали их совершенно чужими и далекими казакам людьми.

— Не нашего это поля ягоды.

— Чем дальше от мужика (иногороднего), тем лучше. И скандалов меньше.

Летом Андрей Прохорович обычно жил в саду под горой, а за Мареевым садом ухаживал старший

сын Николай. Анна Мареевна, если была дома, с невестками и внучками приезжала в сад поутрам. Привозила своему Андрюше пышки, залыте каймаком, или блинчики, или вареники со сметаною. Девочки, вооружались мотыками, «подбивали» ряды, пропалывали клубнику, а Андрей Прохорович пробирал холостяк, прорезал малину и смородину...

Работая, никогда не молчал: пел или «на свисток» выводил мелодии старинных песен. А девочки пели свои, девичьи...

Прорезает Андрей Прохорович сушняк в малине. Девки после многих песен, что «отыграли» с утра, вдруг запели его любимую:

— «Уж ты сад, ты мой сад»...

Перестал Андрей Прохорович насвистывать. Слушает. Вспоминает, как начинал этот самый свой сад... Как с Нюрою пели эту самую песню... Сколько в этот свой «зеленый сад» трудов уложил. Сколько муки... Выпрямился. Смотрит на бугор, где подбивают девки... Там самой пармак! Его гордость... Твердый и сладкий... Знают его «пармак» и в Москве, и Петербурге, и в Харькове, и в Ростове... Смотрит Андрей Прохорович по рядам. Каждый куст глазами ласкает... Чуть шевелятся широкие листья. Сверху темнозеленые, снизу — белесоватые. Светло синими пятнами, как свинцовою помадою, «крапинами» покрыты от синего камня. Вдруг, как раз в тот момент, когда девки затянули переливчатое, тоскливое:

...«Так не рясно цветешь, осыпаешься?...»

его глаза остановились на одном кусту, широкие листья которого выделялись каким то необычайным цветом. Чуть ли не бегом пустился Андрей Прохорович на бугор, не спуская глаз с куста.

— Что-бы это могло быть?

Подошел. Посмотрел: на верхней стороне листьев темно-желтые пятна. Повернул лист — весь куст болен... Что бы это могло быть? Растворором синего камня полит, как и другие. Серным цветом посыпан, как и другие... А болен.

Задумался Андрей Прохорович. В этот вечер не остался в саду. После чая о болезнях виноградной лозы читать стал. И вычитал: филоксера!

На другой день выкопал весь куст с корнем: по корянм узлы... как и в книге. Задумался Андрей Прохорович. Лекарств против этой болезни нет. Вот французы все свои старые виноградники повыкарчевывали и американскую лозу посадили, а потом прищепы делали Как и на вишни... Нужно и нам то же...

К осени пожелтело уже столько, что на сад жалко было смотреть. На другое лето совсем оплешивел виноград... Смотрит Андрей Прохорович с горы на виноградники — почти все заражены... Сжалось сердце.

— Все пропало!...

В один тихий сентябрский день Андрей Прохорович с сыновьями и работниками принялся с ряда выкапывать свой виноград. Чубуки сложили в огромную кучу и подожгли.

Анна Мареевна плачет.

— Помнишь, Андрюша, как каждому новому кустику радовались?...

— Нда... мычит Андрей Прохорович, слезящимися глазами глядя на свое изрытое черно-желтое «займище»... — Н.. да.. начинай сначала...

Казаки крестятся:

— С ума сошел Андрей Прохорович!... Такой виноград — сам уничтожил!...

А Андрей Прохорович и на сборе в правлении, и дома, и на улице уговаривает станичников:

— Выкапывайте и сжигайте и вы. Потому — вгнездится болезнь — навсегда без винограда останемся. Американскую лозу сажать надо, а на нее наши сорта щепить.

Но скоро сказака сказывается, да не скоро дело делается. Погнулся Андрей Прохорович. И уже не мог выпрямиться. Уже и старшего внука женил. И только к 14 году его виноград до старой точки дошел... Капризный был этот заморскій чубук. Не то, что старый, домашний. Безъ лекарств никак. Но филоксеры не боялся.

В 14 году Андрей Прохорович надеялся опять столько срезать, как и в старые годы. И вина надавить... для золотой свадьбы. Виноград уже рдел. Еще недельку-две, продавать можно... Но, после одного жаркого, мертвого дня, заклубились вдругъ свинцовые тучи. Шибанул, закружил вихрь и ударил такой град, что и самые лозы перебивал, а виноград с грязью смешал...

Плачет и приговаривает Анна Мареевна, как за дорогим покойником. Руки ломает. Поднимает безжизненные изувеченные лозы... Андрей Прохорович трет глаза тыльной стороной ладони, чмыхает носом.

— Не убивайся, Нюра... Помнишь, как мы его разводили... Двое нас было. А теперь нас много...

Николай и Григорий сердитые. Точно два сыча нахохлились. Швыряют все, что попадется под руку.

— Ничего, ребята... Теперь нас много... Опять поднимем....

Бом!.. Бом!.. Бом!..

— Что это? переглянулись все.

— Пожар?

— Не видно...

— Арестанты убежали?

Николай сел на своего «Щеголя», вынесся на гору. А только скрылся — на шпиле казак показался.

— Война!.. Война!.. Война!..

Швырнул Григорий корзину с полузеленым, грязным виноградом.

— Запрягать надо...

И остался Андрей Прохорович опять один со своею верною Нюрою.

А подымать надо!...

Степь с травою; поле с пшеницею и подсолнухами, сады и виноградники... все сложное казачье хозяйство с косилками, букарями, веялками и молотилками; с конями, быками, овцами и коровами; все, с таким трудом налаженное казачье хозяйство, легло на спину Андрея Прохоровича и таких, как Андрей Прохорович; Анне Мареевне и таких, как Анна Мареевна, и их невесткам.

В поле, на покосах, в садах и виноградниках низко склонились к земле, солнцем и годами испеченные головы стариков и белые косынки казачек.

Хозяйственная машина Кубани не должна остановиться. Не смеет остановиться. Как и ее боевая машина на фронте... Напряглись жилы. Стучит кровь в висках. Капает горький пот на родимую землю... А в эго время сыновья, мужья и братья

кровью своею удобряют турецкие камни, галицийские пески и полесские трясины...

— Наши мужья... они во походе....

О-ой, в чужей, дальней стороне!..

Гришино седло получили. И сундук. Разбирает Анна Мареевна Гришины вещи.

— Вот его бешметик... черкесочки... чулочки... сама ему вязала...

Трясутся старые руки... Не видать ничего!.. Черкеска, ногавицы, шапка... смешалось все... раскинулись руки. Запрокинулась бритая голова. Кругом горы... Дикие, страшные... И кустарник... Шумит Евфрат...

Голосит Гришина молодая жена, ревут дети... Анна Мареевна вынимает из сундука вещи... Будто кусок по куску тело своего сына...

Андрей Прохорович тупо смотрит: что осталось от его Григория! И кряхтит.

— Н-да... н-да... Нюша Это тебе... А по белой бороде одна за другой бегут слезы...

Потом привезли сундук и седло старшего внука, Андрюши...

Джигит был. Всегда первые призы брал. А Георгиевский крест получил его дедушка... по почте. Чистый, белый крестик в хорошенькой коробочке. Как конфетка!...

Два зятя вещи послали. А сами остались: один на Сане, другой на «Сазанлукских высотах»...

...А вслед за дождливой зимой с раскисшими ба-

зами, голодной, нечищенной скотиной — набросилась торопливая весна... Пахотя требуют семян, виноград под землей задыхается — зовет откапывать... А потом лето. Жадное, ненасытное на казачьи руки и пот. Не знающее ни дня, ни ночи. За летом еще более требовательная горячка — осень...

Кряхтят старики. Согнулись казачки...

— Наши мужья... они во походе!...

Старший сын Николай в отпуск приехал. Совсем не таким вернулся, каким три года тому назад на войну пошел. Не то чтобы постарел. Нет. А перемена большая.

— Что с тобою, Никола? С тревогой в душе спрашивает отец.

— Эх, папаша!.. Зря все это!... Как-то тоскливо отмахивается Николай. А то заскрипит зубами и отвернется.

— Не ладное что-то с нашим Николаем, говорит Андрей Прохорович жене.

— Знаешь-ли, папаша, начал как-то Николай сам. Знаешь-ли чем все это кончится?

— А что?

— Да война эта!... С Георгием видался. И он то-же самое говорит... Солдаты разбегаться начали. А нас, казаков, живьем с'ели бы... Сядет нам на шею российское мужичье...

Андрей Прохорович уже и сам об этом думал. Иногородние нос подняли. Чуют что-то. Прокламации видал. В них казаков «палачами 905 года» называют, а мужикам «землю и волю» сулят. Грабить «награбленное» зовут...

В эту зиму Андрей Прохорович выписал из Глухова какие-то особенные яблони. Перед самой весной товарный лист пришел и Андрей Прохорович с внученком Семою на станцию поехал — яблони получать.

Станционный сторож, невзрачный, но злющий мужиченок, ухмыляется.

— Сади, сади!.. Скоро вам всем капут... Нам все достанется...

— Ты о чем это?

— А вот посмотри. У начальника переписал.

Взял Андрей Прохорович бумаженку. А там большими печатными буквами написано:

«А. А. Бубликов... Комиссар путей сообщения... Самодержавное... пало... Князь Львов... Призываю»... и т. д.

— Что это?

— Капут вашему брату, злобно захихикал мужиченок...

Николай и Георгий с войны пришли. В станице гульбища. Георгия станичники в Раду выбрали. И иногородние в Раду собираются... Митинги каждый день... Андрей Прохорович почти не выходит из сада. Чем болтливее станица, тем он молчаливее, тем с большим, нервным усердием ухаживает за своим виноградом...

Мужичье завладело станицей. Казачья молодежь пьянствует. Николай и Георгій скрылись. Старики молча качают головами.

— Быть беде!...

И пришла беда. Нагрянула Рассея. Как шакалы, грызясь и подвывая, потянули «большевики» казачье добро. Полилась казачья кровь... Кровь старых казаков - тружеников. Старого станичного атамана (дядей Анне Мареевне приходился) расстреляли... Слегла и умерла Анна Мареевна. Отнес ее Андрей Прохорович на кладбище. К детям. Сам с маленьким внуком Семой остался.

В доме комиссар поселился. Дом полон солдатни...

Андрей Прохорович с Семой совсем в сад перекочевал. В саду он не так одинок: его понимают «Нюрины» персики, к нему на плечи склоняются лозы и сочувственно покачивают листьями... По ночам лежит с Семой на вышке и слушает, как в станице пьяные «большевики» стреляют... Свою двухстволку около себя держит.

Раз лежат они вот так на вышке. Смотрят на божьи звезды... Сычей слушают... Вдруг загремело. Прислушались:

Гремит, а небо ясное. Одни звезды... А гремит все ближе.

— Пушки, тихо говорит Андрей Прохорович.

— Чьи? еще тише спрашивает Сема.

— Должно быть наши...

Потом над станицей шрапнели начали рваться. Пулеметы затрещали...

Лежат, не дыша, на вышке. Смотрят на гору, что четко вырисовывается на звездном небе... Вдруг, видят по винограду какие то тени поползли. От горы идут вниз. Через ряды пробираются...

Вышку на высокой жерделе и днем не видно, не только что ночью. Не дыша лежат, притаившись, Андрей Прохорович и Сема. Смотрят, что дальше будет... А тени все ближе. Две на пригорок вышли. Кусты щупают. Кисти винограда рвут. Видит Андрей Прохорович — русские!... Под вышкой прошли. С горы еще спускаются. Ничего не говорят. Будто взаправду — призраки. Проходят, проходят... Ощупью виноград рвут. И все к Кубани спускаются. Понял Андрей Прохорович. Забилось сердце.

— Сема... убегают, черти музлатые...

А над станицей свистят и хлопают снаряды. Торохтят пулеметы и ружья... Над крепостью полахнул пожар. Высоко взметнулось красное пламя. Сверху искры посыпались...

Просвистело что-то над головами. В Разлапином яру лопнуло. Еще, еще... Засуетились «товарищи». Ломятся через ряды. Матершиной ругаются. Валят и ломают виноград, точно дикие свиньи... Не утерпел Андрей Прохорович. Прицелился в тех, что по дорожке от вышки к канаве бежали, и выпалил сразу из обоих стволов.

Екнули «товарищи». Один упал. Остальные через канаву шарахнулись.

— Кто стреляет?... Е... мать!..

— С горы, с горы выстрел!...

Щелкнули затворы. Блеснуло в глазах. А что то горячее прорезало плечо Андрея Прохоровича... Полилась липкая кровь на подстилку от свежих виноградных листьев.

— Дедушка, дедушка...

— Молчи, Сема, молчи... услышат...

Стихло в саду. Высоко над садом просвистели один за другим четыре снаряда. Тяжело ухнули где то над Кубанью. С темного неба звезды мигают. А с вышки на широкий лист пармака ударилась капля. Тяжелая. Густая... Впилась в зелень... За ней другая, третья... От каждой капли наклоняется широкий лист. Будто считает...

Загудел восточный пикет. Зашептались листья на жерделе.

— Дедушка, дедушка... Вот там, лежит... один.

Дедушка молчит... Правая сторона бороды в крови.

— Дедушка!...

— Что, родимый? тихо отозвался Андрей Прохорович.

— Все ушли... А один около горнов лежит...

— Хорошо...

Затопотело по дороге в саду.

— Дядя! Крикнул Сема.

Соскочили казаки с коней.

— Сема, а где дедушка?

— Тут он... ранетый!..

Вскочил дядя Егор на вышку.

— Папаша!..

— Сынок...

А две слезы появились в углах...

— Сынок... плачет Андрей Прохорович.

— Где Никола?

— И он тут... Вот в сад в'езжает.

— Хорошо...

Сняли Андрея Прохоровича с вышки. Шашками лоз нарубили.

— Мы тебя домой отнесем...

— Нагнитесь ближе!... Поднял левую руку. Обнял головы сыновей.

— Тут меня похороните... Под маминими персиками... Мохнатые. А сок у них холодный, холодный...

Плачут Николай и Георгий. Молча смотрят в лицо отца.

Над горой шрапнель разорвалась... Вздрогнул Андрей Прохорович.

— А могилу мою... берегите...

Казаки сняли шапки.

Андрей Прохорович Корчагин был мертв...

. . . . . .

Из-за Кубани, один за другим, летели на станицу снаряды...

Сергей Чепурной

На могиле друга

«Что ни день, то все реже ряды.
Что ни день, убавляется сил
И все чаще и чаще кресты
Одиноких, казачьих могил...»
П. Поляков.

Я сегодня на кладбище был —
Друга детства могила есть там —
И цветущую розу полил,
Отдавая дань прошлым годам.

Мы оттуда — из вольных степей,
Что теперь для нас стали мечтой...
Мы в страдальческой жизни своей
Разошлись — он ушел на покой.

И на память о нем и о всем —
На могиле его розы куст...
Я гляжу. В моем сердце больном
Встала злоба, проснулася грусть...

Тишина... И цветов аромат...
Но, чужое, чужое вокруг!..
Ты так рано ушел в землю спать
Не родную... несчастный мой друг.

Почему? И за что? Где ответ
На страданья казачьей души?
Есть-ли правда на свете, иль нет?
Не она-ли в могильной тиши?

Неужели и мы, как они,
Постепенно бесцельно уйдем
И, погаснув надежды огни,
Под чужою землею уснем?...

...В этот день там, в ковыльных степях,
Вновь проронит слезу Дон седой —
Его сына в далеких краях
Забросали чужою землей...

Да, редеют ряды незаметно,
Больно слышать все чаще: «прости»...
И по миру стоят бесприветно,
Сиротливо казачьи кресты...

22-6-35

Иван Назаров

***

Солнышко все ниже ходит над горами.
Дни тускнеют. Раньше падает закат.
Потемнело небо. Холодит зорями.
И желтеют листья... падают... шуршат...

Улетают птицы... Их красивой жизни
Не нужны тревоги наших скучных зим.
Нет у них станицы, нет у них отчизны
И не ноет сердце, как мое, по ним.

Дайте лет ваш, птицы... С крыльями своими
Дайте мне в отчизну с вами улететь —
Глянуть на просторы, зарыдать над ними
И зарей вечерней с нею умереть...

***

Цветы любви и скрытых в ней терзаний —
Цветы лиловые осенних хризантем
Мне бросила в окно, как дар ее признаний,
Одна забытая мной девушка... Зачем?!
Она лишь мучилась, ей люди не простили,
В родной стране была чужою всем
И умерла она... И были на могиле
Лиловые цветы осенних хризантем...
С тех пор, как вижу я в холодном их расцвете
Цветы бледнеющей осенней красоты,
Я знаю, для чего цветут они на свете —
Любви отвереженной печальные цветы...
Когда умру и все меня забудут —
К чему я жил? И мучился зачем?..
— По мне... одни они лишь тихо плакать будут —
Лиловые цветы осенних хризантем...

И. К. Скубани

Казаки на чужбине

Слыхали-ль вы стоны немого страданья
Под теяжестью бревен иль грузных мешков?
То стоны заброшенных в страны изгнанья
Носителей славных идей — казаков.
Удел — не веселый, несчастная доля —
Суровей едва-ли придумать умом...
В награду за службу их душит неволя
Да жизнь с непосильно - тяжелым трудом.
Чужбина их силы в конец измотала,
Все чаще надежду сменяет печаль...
И мечутся, бедные, в муках тантала,
Стремясь всей душою в родимую даль...
Туда, на приволье Кубани широкой,
К подножью Кавказских чарующих гор
Несутся мечты их и с грустью глубокой
О них вспоминая, ведут разговор...
Сжимается сердце от боли ужасной,
При виде измученных, бледных людей...
И гневные слезы обиды напрасной
Клокочут в груди наболевшей моей.
И мысли протеста густыми роями,
Как мухи, кружатся, жужжат надо мной:
Ужель для того, чтоб сравниться с рабами,
Мы бросили семьи и Край наш родной?!...
Ужели забыли борцы - атаманы
О славных героях своей стороны?
Ужели минувшей войны ветераны
В далекой чужбине погибнуть должны?...
Эй, полно тужить нам, сыны Запорожья,
Не падайте духом, в далеком плену —
Приблизился час и из тьмы бездорожья
Мы выберем смело дорогу одну —
Она уж видна под шипами и терном
И только по ней мы к победе придем —
Пройдя эти заросли с боем упорным,
Мы рабские цепи с отчизны собьем...

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть Ш.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Казачья и русская политика в национальном вопросе.

Чем внимательнее об'ективный историк будет присматриваться к прошлой жизни Казачества, чем глубже и всестороннее он будет ее изучать, тем чаще он будет с удивлением останавливаться перед фактами, свидетельствующими не только о выдающихся качествах казаков, но и о их широком культурном и хозяйственном строительстве, о разумном разрешении сложных вопросов своей государственной жизни.

Одним из наиболее сложных, из наиболее трудно разрешимых и острых вопросов в жизни каждого государства, обыкновенно, является вопрос об установлении добрых отношений с соседними народами и государствами.

В тяжелые, кровавые годы возрождения казачьей государственности, в 1917-1919 г.г., в годы разрешения внутренних чисто казачьих вопросов, в годы установления устойчивых, жизненных форм хозяйственной, культурной и государственно-политической жизни, установления сотрудничества между казаками и иногородними внутри каждого казачьего Края, в годы исканий форм построения единого казачьего государства, Казачество разрешало и вопрос о взаимоотношениях на севере — с Россией, на западе — с Украиной, на юге — с народами Кавказа.

Враждебная Казачеству русская «красная» и «белая» повоенная историческая литература в совершенно ложном освещении изображает многогранную и весьма сложную творческую деятельность Казачества вообще и в частности однобоко и неправдиво освещает вопрос о взаимоотношениях Казачества с соседями в те бурные годы войны и революции. Цель, которую преследуют эти «сказители» истории Казачества, совершенно ясна: русские хотят ослабить и унизить Казачество не только физически, но и духовно.

К глубокому сожалению, к этим русским голосам хулителей Казачества иногда присоединяются и отдельные голоса даже из среды тех народов, которые в 1917-1919 г.г. были весьма надежно защищены казачьими полками от надвигавшихся с севера красных русских армий, несших порабощение и разорение.

Выше было уделено достаточно места общему рассмотрению казачье-русских и казачье-украинских взаимоотношений в рассматриваемый период второй половины лета и начала осени 1919 г. Теперь обратим свои взоры к южным границам Казачьих Земель и, хотя в общих чертах, остановимся на рассмотрении взаимоотношений Казачества с Горскими народами Кавказа, а также на вопросе о том, какую роль в то время играли на Кавказе силы «белой» России и иностранных государств.

Припомним, во-первых, весьма интересный и показательный факт: как только в 1917 г. Донцы, Кубанцы и Терцы приступили к разрешению вопроса о построении союзного государства на землях между Азовским и Каспийским морями, они совершенно дружески пригласили Горские народы Кавказа к равноправному участию в этом государственном строительстве. Так было осенью 1917 г. при организации Юго-Восточного Союза. В разработке договора об этом Союзе и в его подписании — 20 октября 1917 г. — приняли участие представители Горцев Северного Кавказа — Пшемахо Коцев и Айтек Намиток и представители Дагестана — Гайдар Баммат и Топа Чермоев («Дон. Лет.», книга 2-я).

Когда при совершенно новых обстоятельствах внутреннего и внешнего положения Казачьих Земель и Кавказа в июне 1918 г. был реально поставлен вопрос о создании Доно-Кавказского Союза, наряду с казаками в этом важном деле взяли непосредственное и равноправное участие Горцы Кавказа через своего представителя Пшемахо Коцева.

Напоминая об этих двух фактах, мы хотели бы отметить проявившееся в них полное миролюбие казаков и горцев, одинаковое взаимное понимание общих об'единяющих интересов, приведшее к установлению новых форм государственного сотрудничества.

Наряду с этим общеказачьим, так сказать, разрешением вопроса о казачье-горских взаимоотношениях, существовало и местное, частичное разрешение все того же национального вопроса: уже к осени 1917 г. между Кубанскими казаками и горцами Кубани состоялось совершенно добровольное соглашение по всем основным вопросам государственного строительства на Кубани. Черкесы, проживающие, как известно, по левому берегу р. Кубани и р. Лабы, и Карачаевцы, занимающие самую юго-восточную часть Кубани, в 1917-1919 г.г. принимали совершенно равноправное участие, как в работах Кубанской Рады и Кубанского Правительства, так и во всех делегациях Кубани, посылавшихся для разрешения тех или иных вопросов с соседями или даже с иностранными государствами. Так же горцы, наряду с казаками, несли все тяжести боевой жизни на антибольшевицком фронте.

Уместно также будет отметить здесь и постановление Терского Б. Войскового Круга, от 3 июля 1919 года, о нобходимости «решительного устроения и упрочения государственности на территории Терского Войска собственными силами всех общественных групп и народностей в их полном и дружеском сотрудничестве».

Выше было уже не раз отмечено, что белая Россия Деникина шла войною против Горских народов Кавказа, а Горцы принуждены были на войну отвечать войной. После кровавых операций ген. Драценка против Горцев в марте-апреле, в мае 1919 г. поднялось восстание в Кабарде, но было сравнительно легко подавлено.

Во второй половине июня того же года снова поднялись Ингуши. Им было пред'явлено Деникиным ультимативное требование о полной покорности русской белой власти. Ингуши не подчинились ультиматуму, после чего 24 июня против них начались боевые операции. (Деникин, том 5-й, стр. 242; «Приазовский Край» за 4 июля 1919).

«Но если в указанных районах (в Осетии, Кабарде, Ингушетии) внутренняя борьба носила характер локальный», пишет Деникин, «и велась местными средствами», иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане. Области эти становились новыми театрами войны, отвлекая на себя крупные по нашему масштабу силы. то было тем более опасно, что Чеченско-Дагестанский театр находился в клещах под возможными ударами — с севера, от Астрахани большевиков, с юга — сохранявшего вооруженный нейтралитет Азербейджана. Во второй половине июня в нагорном Дагестане вспыхнуло восстание, поднятое Али-Хаджи. В течение месяца шли бои. Войска петровского отряда взяли штурмом непокрные аулы»... (Там же).

Начатая русскими война с Горскими народами была для Казачества совершенно не нужна и для успеха борьбы против красной Росссии бесконечно вредна. Так как Деникин в войне против Горских народов старался применять и казачьи военные силы, совершенно естественно, что горцы весьма энергично протестовали против такого участия казаков в русско-горской войне.

Вместе с тем представители Горских народов. а также закавказские государства — Азербейджан и Грузия — организовали широкую акцию в Западной Европе, как через газеты, так и подачей письменных заявлений правительствам держав Антанты, с целью пресечения завоевательных стремлений «белых» на Кавказе. Помимо того, представители кавказских народов в Париже обращались непосредственно к бывшей там Делегации Кубанской Краевой Рады с протестами по поводу участия Кубанцев в нашествии деникинцев на Земли Горских народов.

Считая желание Горских народов Кавказа стать полными хозяевами на своей горской земле так же оправданным, как и желание казаков быть хозяевами на своей земле; стремясь к созданию нормальных условий для мирного государственного сожительства казачества и народов Кавказа; стремясь к обеспечению военного сотрудничества Казачества с народами Кавказа для борьбы против завоевательных стремлений России, Кубанская Заграничная Делегация в Париже подписала нижеследующий **Проект «Договора Дружбы** между Правительствами Кубани и Республики Союза Горских народов Кавказа»:

«Кубанская Делегация с одной стороны и Делегация Союза Горских народов с другой, исходя из твердого убеждения, что политическое, культурное и экономическое преуспеяние Кавказа и пользование благами мира возможно лишь при упрочении дружественных отношений между Кавказскими государствами и при взаимной их поддержке, признали необходимым заключить между собою нижеследующий договор:

1. Правительство Кубани и Правительство Республики Горских народов Кавказа настоящим торжественным актом признают взаимно государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Республики Союза Горцев Кавказа.

2. Установление территориальных границ между Кубанью и Республикой Союза Горских народов имеет быть предметом особых последующих дружественных соглашений между договаривающимися сторонами.

3. Договаривающиеся стороны обязываются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и Республики Горских Народов Кавказа.

4. Войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой стороны не иначе, как по просьбе или с согласия Правительства этой стороны; войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение Правительства этой последней.

5. Признавая желательным самое тесное экономическое сближение между договаривающимися сторонами, Правительство Кубани и Правительство Союза Горских народов обязуются урегулировать путем особых дополнительных договоров вопросы: а) товарообмена и таможенный, б) транспорта (железнодорожных, водных и грунтовых путей), почт и телеграфов и г) денежного обращения и др.

6. Настоящий договор подлежит утверждению в порядке, установленном конституциями договаривающихся сторон.

Договор сей составлен в двух экземплярах в городе Париже... Июля 1919 г.

Председатель делегации Республики Союза Горцев Кавказа А. М. Чермоев.

Члены делегации Союза Гор. Кавказа: Ибрагим Бек Гайдар. Гайдар Баммат Хадзар.

Председатель Кубанской Делегации Л. Быч.

Члены Кубанской делегации: А. Кулабухов, А. Намиток, генерал Савицкий».

Этот проект договора должен был потом поступить на рассмотрение и решение органов Кубанской исполнительной и законодательной власти.

Если бы русские не помешали созданию Доно-Кубано-Терского Союза, этот Союз в целом решил бы вопрос об установлении отношений между ним и Горскими народами, и необходимость сепаратного выступления Кубани в таком случае исключалось бы.

Следует подчеркнуть, что выше приведенный проект договора совершенно не касался разрешения вопроса о границах между Войском Терским и Горскими народами. В этом проекте еще более важным является то, что договаривающиеся стороны отрицали право России распоряжаться судьбами Казачества и Горских народов.

Горцы не признавали над собою власти Деникина. В августе новое восстание охватило Чечню и Дагестан. Как видно из оперативных сводок, восставшие скоро очистили от деникинских войск горную часть Дагестана и Чечни и повели наступление на Дербент, на Темир-Хан-Шуру, на Петровск и на Грозный. К концу августа горцы вплотную подошли к железной дороге на всем ее протяжении от гор. Дербента до гор. Грозного. Деникинцы при этом понесли большие потери у Дербента, Леваши, Дешлагира и Темир-Хан-Шуры.

В начале сентября упорные бои шли уже у самого г. Горзного — у Устар Гордой. Особенным упорством отличались бои в самом г. Дербенте; например, оперативная сводка за 10-9-1919 г. говорит: «8-го сентября нашей (добровольческой) бомбардировкой уничтожен мусульманский квартал Дербента, что сильно подняло дух нашего гарнизона».

Чеченцы тем временем захватили железную дорогу Петровск-Грозный, продвинулись севернее этой дороги до Старого Терека. Во второй половине сентября восставшие держали в руках своих весь Дагестан, кроме Темир-Хан-Шуры и Петровска, держали и весь район до Грозного и Кизляра. Оперативные сводки за конец сентября и начало октября подчеркивают упорнейшие бои в районе всей железной дороги Дербент-Хасав Юрт-Грозный.

Эта война поставила в весьма тяжелое положение Терское Войско.

Следует отметить, что в августе 1919 г. Союзники решили забрать свои войска с Архангельского и Мурманского фронтов. Тогда же Англия уводила свои войска из Закавказья и под английской оккупацией оставался только гор. Батум на берегу Черного моря. Вместе с тем Английская миссия при ген. Деникине послала к Горцам полк. Роландсона, который широко распространны в Дагестане и Чечне нижеследующее «Обращение к Горцам»:

> «Я, представитель английской миссии при генерале Деникине, полковник Роландсон, обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю: правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели... Вы не должны думать, что Англия вывела свои войска из Тифлиса и Баку потому, что она против Деникина... Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать до исполнения Деникиным его цели. Будет очень жалко, если придется обратить это оружие против горцев, и их аулы будут разрушены...
>
> ...Конец большевизма близок, так как войска Деникина в 300 верстах от Москвы»...

Как видим, Англия уводила свои войска с Кавказа, с Архангельска и Мурманского края в то время, когда борьба с большевизмом достигала наибольшей степени напряжения; и та же Англия помогала Деникину против Горцев.

Почти в те же дни, как на Кавказе появилось выше цитированное обращение представителя Англии к Горцам Кавказа, делегации Горской, Грузинской и Азербейджанской республик обратились к Мирной конференции в Париже с новым меморандумом, в котором указывали на желание этих народов остаться независимыми, и, вместе с тем, эти делегации просили об удалении войск Деникина с территорий своих республик.

Почему мы говорим здесь о русско-горских отношениях? Да потому, что эти отношения находились в непосредственной и прямой связи с событиями на фронте русско-казачьей войны.

В глубоком тылу казачьих армий Деникин создал условия не мира и успокоения, а борьбы, которая гибельно отражалась на фронте русско-казачьей войны.

Не следует забывать, что Горцы Кубани, рука об руку с казаками, вели борьбу против большевизма, начиная с 1-го ноября 1917 г. — дня разоружения запасного артиллерийского дивизиона в Екатеринодаре. Горцы Терека в 1918 г. тоже вели борьбу против советской власти. После освобождения Северного Кавказа от большевицких войск была создана Горская дивизия, дравшаяся на Маныче, под Царицыном и Камышином.

Нет сомнения в том, что при разумной национальной политике на Кавказе, не пришлось бы там, в горах Кавказа, держать казачьи и иные войсковые части, не пришлось бы ослаблять антибольшевицкий фронт на севере. Нет сомнения также и в том, что разумная политика на Кавказе дала бы возможность вывести с Кавказа на борьбу против красных армий далеко большие горские силы, нежели те, которые находились в Кавказской и Добровольческой армиях.

Вместо этого усиления антибольшевицкого фронта горскими войсками, мы видим ослабление противобольшевицкого фронта, так как Деникин держал войска на Кавказе. Деникин уже за границей писал:

«Я не буду останавливаться на ходе военных операций, имевших характер «малой войны» — затяжной, изнурительной и неизбежно жестокой... Военно-политическая обстановка на Кавказе имела своими ближайшими последствиями срыв нашей операции против Астрахани и удержание на Северном Кавказе от 10 до 15 тысяч бойцов» (Деникин. Очерки, т. 5-й стр. 245).

Кроме войны на Тереке и в Дагестане, Деникин вел почти настоящую войну и на Черноморском побережьи.

Деникин говорит, что «на Черноморском побережьи с лета 1919 г. и до весны 1920 г. нам приходилось держать отряд силою разновременно от 2 1/2 до 6 1/2 тысяч» (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 248).

В 1919 г. Грузию постиг неурожай. Грузинское Правительство предложило Кубани заключить торговый договор, обеспечивающий обмен кубанской пшеницы, вывозимой в Грузию, на грузинские товары, нужные для Кубани. Этот договор вызвал большое недовольство в русских политических кругаах Доброволии. (Деникин. Очерки, т. 4-й стр. 228-229).

«Особое Совещание», хорошо зная о недороде в Грузии, решило не дать возможности осуществить кубано-грузинский торговый договор. 19-го сентября 1919 г. об'явив блокаду Кубани, Деникинское правительство этим самым одновременно старалось ударить и по Грузии и по Кубани.

Тем не менее новые государства, выроставшие на территории быв. императорской России, не хотели подчиниться ни русскому Ленину, ни русским Колчаку-Деникину, и продолжали вести борьбу за свое существование всеми доступными им средствами. Одним из таких способов борьбы было обращение молодых республик к Мирной Конференции, работавшей в Париже.

8-го октября 1919 г. представители Азербейджана, Северного Кавказа, Кубани, Украины, Латвии и Литвы обратились с письмом к председателю мирной Конференции. В этом письме между прочим говорилось следующее:

«Верховный Совет союзных держав с самого момента своего учреждения был поставлен перед фактом существования новых государств, возникших вследствие распадения бывшей российской империи, рухнувшей в октябре 1917 г. Эти новые государства учредились согласно принципу права народов на самоопределение и в действительности организовались на широких демократических основах... Со времени своего основания эти государства оказались вынужденными защищаться против всех разрушительных большевицких и реакционных сил, которые пытаются вооруженнной рукой проникнуть в эти страны.

Кровавая война, которую эти две партии (большевики и «белые») ведут между собою в пределах России, не препятствует им, каждой с своей стороны, к нападению на эти новые демократические государства. Так как последние нуждаются в моральной и материальной поддержке, то было необходимо формальное признание их независимости и оказание им международной помощи против всяких нападений.

А, между тем, несмотря на все декларации и ходатайства этих государств, им не было предоставлено ни это признание, ни эта международная помощь...

...Принимая во внимане эти соображения и искрен-

нее желание наших народов вступить, путем принятия в Лигу Наций, в семью других свободных и цивилизованных народов, мы вновь возвышаем наш голос и просим Вас, господин президент, доложить Верховному Совету союзных держав следующее наше ходатайство:

1. Признать каждую из упомянутых выше республик самостоятельным государством.

2. Немедленно приступить к исследованию территориальных, финансовых, экономических и прочих вопросов, вытекающих из факта такого признания».

Стоит только сопоставить суть этого коллективного письма представителей целого ряда новых государств с целями, которое преследовало русское белое движение, как станет совершенно ясным, какая непроходимая пропасть разделяла эти два лагеря на Востоке Европы.

Спор между ними могла решить только открытая вооруженная борьба. К сожалению, другого выхода не было тогда, как нет его и теперь .

Игра жизнями и имуществом людей.

Согласно большевицким данным в начале июля 1919 г. на территории Украины располагались следующие красные армии: от р. Припети до Черного моря, включая район гор. Одессы, была расположена 12-я советская армия, обращенная лицом к западу; от гор. Херсона вверх по р. Днепру и далее на север до г. Полтавы располагалась 14-я сов. армия; огибая г. Харьков с северо-запада и с севера, занимала фронт 13-я сов. армия. В 12-й и 14-й армия в июле большевики насчитывали около 90 тысяч бойцов, из этого в 14-й армии было 53 тысячи бойцов.

Благодаря восстаниям на Украине и уходу к повстанцам бойцов из набранных на Украине советских армий, благодаря последовательным ударам казачьих конных и пехотных частей с востока и натиску армии Украинской Народной Республики с запада, в течение июля- августа 1919 г. 14-я и 12-я советские армии были выброшены к рекам Десне и Припети. Согласно большевицким данным 14-я сов. армия, например, в начале июля насчитывала в общем 52 тысячи бойцов, а в начале августа в ней оставалось только 16.470 бойцов (Егоров. Разгром Деникина, стр. 104 и 112). Значит, боевой состав этой армии в течение одного месяца уменьшился на целых 69 процентов. Это произошло, главным образом, потому, что мобилизованные большевиками украинские хлеборобы бросали ряды советской армии и расходились по домам или же переходили в ряды повстанцев.

Так как большевицкое командование в июле-августе 1919 г. все свое внимание обратило почти исключительно на достижение разгрома Донской и Кавказской армий, так как с запада к р. Днепру продвигалась армия Украинской Народной Республики, а севернее ее, тоже на восток, тогда наступала Польская армия, большевицкое командование не имело ни сил, ни возможностей обратить должное внимание на пополнение редеющих рядов 12-й и 14-й красных армий, отброшенных в северные районы Украины. Что касается 13-й сов. армии, нужно заметить, что ее левофланговые 3-я и 42 дивизии были введены большевицким командованием в состав ударной группы войск ген. Селивачева, всей своей тяжестью навалившихся на левое крыло Донской армии.

Вследствие всех этих причин и обстоятельств 13-я и 14-я сов. армии, занимавшие трехсотверстный фронт от района г. Белграда к нижнему течению р. Лесны, в августе 1919 г. насчитывали всего на всего 25 тысяч штыков и 2000 сабель (Егоров, цит. его работа, стр. 112).

Учитывая создавшуюся на всем Южном фронте обстановку, в августе Деникин направил конный корпус ген. Юзефовича для захвата северной части Полтавской губ. и Черниговской губ., а 1-й пехотный корпус ген. Кутепова был двинут на север — к гор. Курску. 15 августа были заняты Обоянь, Суджа, Белополье, Ворожба, Конотоп, Бахмач. При этом следует помнить, что в самом начале августа в направлении на Сумы-Ворожбу действовала известная нам доблестная 1-я Терская конная дивизия, на Курском направлении работали Кабардинцы (сводка за 11 авг.), а на Козелецком направлении — Осетинский полк (сводка за 7 августа).

В том же августе, как говорилось выше, происходили упорнейшие и ожесточеннейшие бои Донской и Кавказской армий и 3-го Кубано-Терского корпуса с ударными группами советских войск Селивачева и Шорина на фронте от Харькова до самой р. Волги, а 4-й Донской корпус, забравшись в глубокий тыл красных армий, уничтожал большевицкие резервы, склады оружия и огнеприпасов, военные мастерские, перерывал железнодорожные и телеграфные линии и т. д. в обширном районе городов Тамбова, Козлова, Лебедяни, Липецка, Грязи, Ельца, Касторной, Землянска Усмани и Воронежа...

На огромном фронте от нижней Волги до гор. Ст. Оскола славные казачьи войска сковали русские силы 11-й 10-й, 9-й, 8-й и части 13-й советских армий. В это же время Штаб Южного красного фронта, спасаясь от казаков Мамонтова, в панике мотался по железной дороге между Козоловым и Орлом. Сам Троцкий слал истерические приказы о поимке и уничтожении 4-го Донского корпуса. Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Тульская, Рязанская и Орловская губернии были об'явлены на военном положении; вновь назначенный командующий войсками внутреннего фронта ком. Лашевич издавал неистовые приказы... У самих красных владык дрожащие руки тянулись к чемоданам...

К началу сентября 1919 г. в боях под самым гор. Царицыном 10-я сов. армия потеряла 18 тысяч пленных, 31 орудие и 160 пулеметов; 9-я сов. армия вела кровавые бои на р. Хопре; разбитая казаками, 8-я сов. армия спешно отходила за р. Дон. 6-го сентября славный 4-й Донской корпус ген. Мамонтова возвратился к родным войскам из блестящего рейда.

Все эти обстоятельства чрезвычайно облегчили задачи 1-го корпуса Добровольческой армии, наступавшего на гор. Курск. Ген. Деникин в 5-м томе своих «Очерков» говорит: «7 сентября 1-й арм. корпус генерала Кутепова, разбив на голову 12-ть советских полков, взял Курск» (стр. 123). Вообще взятие гор. Курска было расписано русской прессой, как выдающееся событие, открывающее прямую дорогу «на Москву». Однако, об этой победе один из исследователей прошлой войны говорит, что «в действительности здесь (под Курском, прим. редакции) было разбито всего два полка: 20-й и 605-й Тульские полки» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 125).

Уместно здесь будет привести общую оценку августовского и сентябрьского наступления Добровольческой армии, оценку, сделанную ближайшим помощником ген. Деникина — генералом А. С. Лукомским: «С переходом штаба в Таганрог я видел главнокомандующего только раз в неделю и не был поэтому в курсе всех текущих ежедневных оперативных распоряжений. Издали получалось впечатление, что основная директива не зарываться вперед, а заняться приведением в порядок войск и устройством тыла, нарушалась войсками Добровольческой армии самовольно; при чем, с продвижением войск вперед и занятием все новых и новых пунктов штаб мирился, как с совершившимся, и при том приятным фактом.

Курск был занят для более надежного прикрытия Харькова и обеспечения железнодорожного сообщения в пределах Харьковской области. Части же войск, выдвинутые для обеспечения Курска, как магнитом тянулись к северу.

Противник серьезного сопротивления не оказывал, и части постепенно продвигались вперед, стараясь скорей приблизиться к Москве. В октябре был занят Орел» (Лукомский, Воспоминания, т. 2-й, стр. 157-158).

Напрасно ген. Лукомский старается вину ген. Деникина и его штаба переложить на войска, так как последние в точности исполняли распоряжения Деникина. Например, 12 сентября 1919 г., т. е. всего через пять дней после взятия гор. Курска, Штаб Де-

никина следующим образом оценивал положение на фронте Добровольческой армии: а) 13-я армия разбита и дорога на г. Орел открыта, б) часть 13-й сов. армии и вся 8-я ушли на восток за р. Дон и усилили там группу войск Шорина, состоявшую, как известно, из 9-й, 10-й и 11-й армий. В тот же день командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому было приказано: операцию по очистке левого берега Десны произвести в срочном порядке и **ни в коем случае не останавливаться «продвижения на Орел и Брянск, которое при быстроте может спутать все карты противника»** (из телеграммы начальника штаба Главнокомандующего ген. Романовского номер 013.517).

Красная Россия вела против Казачества хорошо продуманную войну, а Деникин и его штаб, впутавшись между этими тремя силами, быстрыми продвижением на Москву собирались «спутать все карты противника», как перед этим быстрым продвижением на Киев и захватом его Деникиным «спутал карты» украинцам, принеся этим самым большую пользу красной России.

В каком положение находилось русское белое командование?

Дон, Кубань и Терек все еще не признавали власти Деникина на Казачьих Землях.

В начале сентября Донская Комиссия законодательных предположений 2/3 голосов постановила удалить с Донской территории «Осваг».

На Кубани в августе-сентябре была усилена акция освобождения Кубани от какого бы то ни было влияния Деникина и сторонники белого движения были удалены из состава Кубанского Правительства.

На Кавказе велась форменная война.

В Черноморской и Ставропольской губерниях значительно усилились «зеленые», против которых действовали регулярные воинские части.

В некоторых местах Украины — в районе г. Ромны, Чугуева, станции Пятихатка, Фундуклеевка и т. д. начались восстания против деникинских властей, хотя со времени захвата Деникиным этих мест не прошло еще и месяца. Работы Южно-русской конференции ни на один шаг не приближали так желанного для русских дня признания казаками власти Деникина. И, что важнее всего, все события на фронте и в тылу, происшедшие в течение июля-сентября, должны были воочию убедить русских в том, что Казачьи Армии ни в коем случае не пойдут отбивать Москву у русских «красных», чтобы передать ее русским «белым». В то же время Кубань упорно и настойчиво добивалась организации Кубанской армии, а между командующими Донской армией ген. Сидориным и главнокомандующим ген. Деникиным почти без перерыва происходила телеграфная переписка, убедительно говорившая о неизживной и неизбежной казачье-русской борьбе.

Адмирал Колчак с остатками своих деморализованных войск скрылся далеко за горы Уральские и безостановочно катился все далее на восток по неизмеримым просторам холодной Сибири...

Что могли делать русские «белые» вожди при таких условиях?

Они никак не могли понять, что царская Россия, вместе с домом Романовых, уже отошла с исторической сцены; они не могли уразуметь, что попытка представителей старой России установить диктатуру под осень 1917 г. окончилась Быховым; что попытки русских генералов, сделанные в конце 1917 г. и в начале 1918 г., организовать на Дону борьбу за «белую Россию» окончились крахом; русские белые вожди не хотели отдать себе отчет в том, что, только присосавшись к силам возрождающегося Казачества, белое движение могло подняться до Курска; белые не видели или же не хотели видеть, что идет война между новой Россией и восставшими против нее народами...

И приходилось белым вождям, или отказаться от дальнейших попыток повернуть назад колесо истории, или же... продолжать вести явно азартную игру жизнями и имуществом людей. И решили русские люди: а) об'явить войну Украине и уничтожить в самом зародыше центр украинского освободительного движения, б) усилить войну на Кавказе, в) об'явить экономическую блокаду Кубани, г) заставить Кавказскую и Донскую казачьи армии сковать на Волге силы 11-й, 10-й и 9-й сов. армий и уничтожить 8-ю сов. армию между Лисками и Воронежом, д) казачьими руками крепко держать г. Воронеж и обеспечить правый фланг Добровольческой армии и ж), что чрезвычайно важно, просить Польшу занять своими войсками р. Днепр к северу от Киева и, таким образом, прикрыть левый фланг Добровольческой армии.

«Предпринимая наступление в направлении Киева», говорит Деникин, «я имел в виду огромное значение соединения Добровольческой армии с польскими силами, наступающими к линии Днепра. Это соединение выключало бы автоматически весь западный фронт и освобождало бы значительную часть сил Киевской и Новороссийской областей для действий в северном направлении. Наступление польских войск к Днепру отвлекало бы серьезные силы большевиков и обеспечивало бы надежно с запада наши армии, идущие на Москву. Наконец, соединение с поляками открывало нам железнодорожные пути в западную Европу — к центрам политического влияния и могущества, к источникам материального питания армии» (Очерки, т. 5-й, стр. 175).

Поэтому «прием Польской миссии 13 сентября, в Таганроге, носил характер торжественный и сердечный», поясняет Деникин (там же).

Белые, опираясь на силы казаков, сумели подняться с линии Новороссийска-Владикавказ за линию Киев-Курск-Воронеж. Теперь, при помощи тех же казаков, а так же при помощи Польских войск, Деникин решил с линии Курск-Воронеж подняться до самой Москвы.

Как свидетельствует проф. К. Н. Соколов, начальник штаба Деникина — ген. Романовский 30 августа 1919 г. был уверен в том, что месяца через два Москва будет взята Добровольческой армией; а 12 сентября тот же ген. Романовский приказал добровольцам быстро продвигаться на Орел-Брянск, что, думал Романовский, «может спутать все карты противника».

Хорошо понимая, что нет никаких надежд на то, чтобы казачьи армии пошли походом на Москву, ген. Деникин еще 19 августа 1919 г. приказал Донской армии, «перейдя к обороне на всем своем фронте, обратить исключительное внимание на левый фланг, свернуть к Воронежу и бывший в набеге конный корпус генерала Мамонтова, чтобы совместными действиями с Добровольческой армией (собственно, с 3-м Кубано-Терским корпусом) разбить расстроенную уже 8 сов. армию и овладеть Лисками и Воронежом» (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 120).

Как мы знаем, около половины сентября 9-я сов. армия вышла, в конце концов, на среднее течение р. Дона и готовилась у ст. Казанской и Богучара к переправе на южный берег этой реки. 10-я красная армия продолжала драться под Царицыном, а 11-я — у Черного Яра. Астрахань оставалась в руках красных.

Несмотря на это, ген. Деникин «17 сентября новь предписал Донской армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, чтобы сосредоточить надлежащие силы на своем левом фланге, против Лиски и Воронежа» (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 22).

В том же сентябре 1919 г. произошли значительные события на верхах военного руководства в Советской России. Геройская борьба Кавказской и Донской армий в течение августа и первой половины сентября убедили, казалось, советское командование в невозможности осуществить принятый в июле 1919 план военных действий советских армий на Южном фронте, план, имевший целью, наступлением с северо-востока, захватить всю Донскую область и выйти в Донецкий бассейн и на Северный Кавказ.

Очевидно, красное политическое и военное руководство пришло к заключению, что на Юге фактически существует два отдельных фронта — Казачий и Добровольческий, наступавший теперь на русскую землю между р. Десной и р. Доном; что действующие на этих фронтах антибольшевицкие армии отличают-

ся между собою, как составом своим войск, так и конечными целями борьбы. Учтя таким образом реальную обстановку борьбы на Юге, красное командование 17 сентября 1919 г. разделило Южны йфронт на два — Юго-Восточный, в составе 11-й, 10-й и 9-й армий, под командованием Шорина, и — Южный в составе 8-й, 13-й и 14-й армий; между этими фронтами была установлена следующая разграничительная линия: Шацк - Моршанск — станция Рассказово — ст. Токаревка - ст. Анна - Бобров - устье р. Икорец - р. Дон до Нов. Калитвы и далее на Старобельск (Какурин. Как сражалась револ., т. 2-й, стр. 312).

23 сентября был смещен командующий Южным фронтом ген. штаба ген. Егорьев, и 25 сентября на его место был назначен ген. штаба полк. Егоров, бывший перед тем нач. штаба и врем. командующим 10-й сов. армией, а потом командующим 14-й сов. армией.

Хотя 8-я сов. армия, действовавшая в районе Павловска-Лисок-Боброва и Воронежа, была включена в состав Южного сов. фронта, однако, фактически она действовала на Казачьем фронте, так как во второй половине сентября 1919 г. Казачий фронт тянулся до самого г. Воронежа и даже северо-западнее его — до г. Землянска.

На наиболее выдвинутой на север дуге фронта Добровольческой армии около 25 сентября 1919 г. силы противников занимали следующее положение:

1) на фронте Петрвское, что верстах в 75 на северо-запад от г. Воронежа, — Ливны-Грязное (исключительно), протяжением около 120 верст, действовала 1-я Марковская пехотная дивизия Добр. армии численностью около 4900 штыков и 400 сабель;

2) на фронте Грязное-станция Еропкино-Кромы, протяжением около 90 верст, наступала Корниловская дивизия численностью около 4000 штыков и 300 сабель;

3) на участке Богородицкое-Севск и юго-западнее его, протяжением около 130 верст, развернулась дивизия Дроздовского численностью в 6400 штыков и 300 сабель.

Эти три дивизии составляли 1-й Армейский корпус ген. Кутепова. В резерве 1-я див. имела около 2500 шт. В общем же на фронте около 320-340 верст корпус ген. Кутепова имел всего 17.800 штыков и 1000 сабель.

Левее этого корпуса до Борзны, на протяжении около 140 верст, располагался 5-й конный корпус ген. Юзефовича силою около 4000 сабель.

Против этих сил красные имели:

1) на фронте Петровское - Кромы (искл.) 13-ю сов. армию численностью в 16.000 штыков и 2200 сабель;

2) юго - восточнее г. Брянска был сосредоточен резерв главкома в составе Латышской стрелковой дивизии, бригады Павлова и кавалерийской бригады Примакова, общей численностью 10.000 штыков и 1.500 саб.;

3) против дивизии Дроздовского находились главные силы 14-й сов. арм., около 10.000 штыков;

4) против Юзефовича на правом берегу р. Десны занимала фронт 46 стр. дивизия неизвестной в то время силы. (Гражд. война 1918-1921, т. 3-й, стр. 268-270).

Таким образом, согласно большевицким данным, на центральном участке фронта, растянувшегося более чем на 450 верст, 25 сентября Деникин имел в 1-м Корпусе и группе ген. Юзефовича около 21.800 бойцов, что дает в среднем около 48 бойцов на 1 версту фронта. Для сравнения отметим, что согласно данным ген. Деникина на 1-е октября 1919 г. в Добр. армии было 20.500 бойцов (Очерки, т. 5-й, стр. 323).

Левее Добровольческой армии, на фронте от района Бахмача через Киев до Белой Церкви, располагались деникинские войска Киевской области численностью в 9.000 бойцов на 1-е октября (там же). Занимая огромный фронт и прикрывая гор. Киев с запада и с севера-запада от нападения 12-й сов. армии, Киевская, как видим, сравнительно малочисленная, группа войск ген. Деникина не могла оказать какого-либо заметного содействия. Добровольческой армии, стремившейся, согласно стратегии белых вождей, быстрым продвижением на север перепутать карты большевикам.

Так как желанного для Деникина об'единения русского белого фронта с Польскими войсками не произошло; так как войной с войсками Укр. Нар. Республики Деникин связал все свои правобережные войска на Украине; так как казаки на Москву не шли боролись только за свою Землю, вся тяжесть «похода на Москву» должна была лечь на плечи Добровольческой армии, насчитывавшей всего 20-21 тысячу бойцов.

Вследствие этого вся московская операция вождей «белого» движения не имела на что опереться.

Пока большевицкое командование занималось вопросами, связанными с разделением Южного фронта на два фронта, вопросами замещения высших должностей на этих фронтах, спорами о том, как наилучше использовать ударную группу, собранную к юго-востоку от г. Брянска (вопрос подчинения ее командующему 13-й или 14-й армией, начало удара и его направление и т. д.), ослабленная 13-я сов. армия, растянувшись в нитку, занимала длинный фронт от г. Кромы до Петровского — свыше 200 верст.

Кроме того, в конце сентября 1919 г. внимание большевицкого командования было сосредоточено на завязавшихся весьма серьезных боях в районе г. Воронежа, на изыскании мер противодействия начавшемуся новому наступлению Донской армии, а также на организации защиты гор. Петрограда...

Деникин воспользовался всеми этими обстоятельствами и, прорвав фронт 13-й сов. армии, 30 сентября захватил г. Орел.

Однако, даже «красные» коллеги ген. Деникина по русской Академии Генер. Штаба признают, что «начиная с сентября 1919 г. стратегия белого командования уже не основывается на данных действительной обстановки и строгого учета сил, а является игрой азартного игрока, надеющегося одним ударом сорвать ставку крупной игры» (Какурин. Как сраж. рев., т. 2-й, стр. 306).

Мы были бы необ'ективны, если бы позволили себе утверждать, что только сам ген. Деникин несет ответственность за всю политику белых и явно неудачную стратегию, результатом которых была напрасная гибель десятков тысяч людей и разорение Казачьих Земель. Ведь, поименно можно назвать добрую сотню русских генералов и полковников генерального штаба, можно назвать сотню русских профессоров, тысячи адвокатов, докторов, администраторов, земцев, журналистов и т. д. и т. д. которые не только разделяли политику Деникина, а сами были, в той или иной степени, ее создателями и проводниками в жизнь. Вообще русская военная и гражданская интеллигенция, захватив в свои руки политическое и военное руководство антибольшевицкой борьбой, в полной мере несет ответственность за провал антибольшевицкой борьбы на Юге.

Деникин, его штаб, назначенные Деникиным командующие армиями и командиры корпусов и главнокомандующие несут всю тяжесть ответственности за все то зло, которое они причинили Казачеству.

В самом деле, весь сентябрь 1919 г. Деникин, безудержно гнал Добровольческую армию **на север** — к Курску, к Орлу, Брянску, Ельцу, Новосилову, Туле, а в это время на правом фланге и на тылах стремившейся к северу Добр. армии, нависали 8-я, 9-я, 10-я и 11-я сов. армии, фронт которых, круто уходя на юго-восток, спускался к самому Каспийскому морю; и в это же время левый фланг Добровольческой армии от гор. Орла круто поворачивал на юго-запад и на огромном протяжении до самого г. Киева был весьма слабо прикрыт Корпусом ген. Юзефовича и войсками Киевской области.

Если длиннейший фронт от г. Воронежа до г. Астрахани все же был надежно прикрыть казачьими боевыми силами, то длинный фронт от г. Орла до г. Киева защищался весьма слабо.

Хотя 12-я сов. армия, ведя борьбу на запад против Поляков на фронте Житомир-Хойники, на юго-запад против войск Укр. Нар. Республики и на юго-

восток против войск Киевской области (среди последних была 2-я Терская казачья пласт. бригада), и не приняла прямого участия в генеральном сражении на Орловском направлении; однако, как признают военные руководители Сов. России, 12-я армия «имела косвенное и немаловажное влияние на его исход, явившись тем резервуаром, откуда сначала главное командование, а затем командование Южным фронтом черпали силы для питания решительного сражения. Так, готовясь передать Эстонскую дивизию из своего резерва в распоряжение командующего Южнынм фронтом, Главное командование предварительно вывело в свой резерв, район г. Вязьмы, 45-ю стр. дивизию 12-й армии. Командование Южным фронтом, в свою очередь в целях подтолкнуть вперед 14-ю сов. армию, приказало командарму 12-й сменить своими частями 46-ю стр. дивизию, которая вслед за тем направилась на Севское направление» (Какурин. Как сражалась рев., т. 2-й, стр. 320-321).

Один из видных коммунистов, С. Меженинов, говорит, что из состава 12-й сов. армии через станц. Коростень-Калиновичи-Гомель «30 тысяч бойцов пехоты, 2000 бойцов кавалерии и до 180 орудий подтянулось в район Чернигова для решительного боя не только за самый город, но и за весь район Черниговщины и Нежинщины, как подступов к Киеву» (Гражд. война 1918-1921, т. 1-й, стр. 281).

Ни главное, ни южное большевицкое командование в сентября 1919 г. не давало 12-й сов. армии прямых указаний на необходимость захвата гор. Киева. Но в конце сентября эти войска сами перешли в частичное наступление на г. Киев, сбили деникинцев с позиций перед Киевом и 1 октября с северо-запада ворвались в столицу Украины.

Так так защищавшая Киев 7-ая добровольческая дивизия не могла справиться с большевицкими войсками, захватившими Киев, к столице Украины были направлены войска ген. Оссовского из района Христиновки, а также 2-я Терская пласт. бригада.

Трое суток происходили упорные бои на улицах гор. Киева. Хотя совместными усилиями 7-й дивизии, Терской бригады и частей ген. Оссовского Киев был освобожден от красных войск, не поддержнных ни южным, ни главным командованием, но самый факт захвата Киева советскими войсками в то время, когда деникинцы взяли г. Орел, был весьма характерным для той игры, которую вели руководители белого движения.

Сам Деникин уже за границей распубликовал следующую характеристику войск Киевской области: «На западе войска Киевской обл. ген. Драгомирова, против ожидания весьма мало пополнившие свой состав, с трудом выполняли свою задачу — очищения правого берега Днепра и левого — Десны» (т. 5, стр. 233).

Восстания на Украине.

Казачество, возрождая свою государственность и борясь за ее сохранение и укрепление, такое же право в полной мере признавало за всеми соседними народами.

Русское белое движение, стремясь восстановить былую Россию, не только не признавало такого права за другими народами, но стремилось всячески задушить их национальные освободительные движения. Не имея достаточных сил для осуществления этих своих намерений, вожди белого движения, как известно, пускались на всякие ухищрения, лишь бы казачьи вооруженные силы использовать для своих целей.

Захватив казачьими руками земли Украины от гор. Мариуполя до гор. Вознесенска, Умани и Белой Церкви, от Перекопа до Белгорода и Старого Оскола; при помощи казаков укрепившись в Харькове. Екатеринославе, Полтаве и в Киеве, а также в Херсоне, Николаеве и в Одессе, во второй половине августа 1919 г. белые вожди считали уже себя неоспоримыми и полновластными господами положения на великих просторах Земли Украинской.

Напрасно казаки не раз указывали на всю безразсудность политики своих белых «союзников», напрасно казачьи парламенты взывали о необходимости осуществления иной политики в отношении широких масс хлеборобов, напрасно предупреждали о том, что русская противонациональная и противонародная политика неизбежно приведет к катастрофе антибольшевицкого фронта.

Деникин 12 августа 1919 г. выпустил свое известное «Обращение к населению Малороссии», 15 августа категорически заявил председателям Донской, Кубанской и Терской делегаций на Конференции, что он, Деникин, уже считает себя диктатором, не желающим поделиться своей властью с представителями Казачьих Земель. В августе и сентябре 1919 г. тот же Деникин отверг предложения Правительства Украины установить контакт в совместных действиях против красных армий; в сентябре того же года вожди русского белого движения на Юге начали осуществлять одновременно два задания: а) уничтожение армии Украины между Днестром, Збучем и Днепром и б) поход на Москву через Курск-Орел-Тулу. Политически слепые, в руководстве антибольшевицкими вооруженными силами Юга бездарные, белые вожди пренебрежительно при этом инорировали волю Казачества и Украины.

Естественно, такая политика встретила противодействие со стороны народных масс Юга. На насилия «белых» население Украины ответило восстаниями. Уже в августе 1919 г. официальные сообщения Добровольческой армии отмечали следующее: 17 августа восстало население к северо-западу от г. Ромны, а также в районе Чугуева; 23 августа повстанцы атамана Коцюры с артиллерией захватила Фундуклеевку; в тот же день отмечена усиленная деятельность повстанцев снова в районе г. Чугуева; 2-го сентября повстанцы напали на станцию Тальное, а у станции Пятихатки повстанцы захватили поезд, шедший из Екатеринослава и убили коменданта станции и 18 офицеров... И т. д. и т. д.

По всей Украине уже слышались, пока еще глухие, звуки наростающего народного гнева.

Еще в мае-июне 1919 г., под сильными ударами 1-й Кубанской-Кавказской дивизии, 2-й Кубанской пластунской бригады и конной бригады в составе 42-го Донского и 2-го Лабинского казачьих полков, рассыпалась 2-я сов. армия в степях Украины. Главные силы этой армии — дивизия Махна — ушли за р. Днепр или же распылились по домам — по селам Таврии, Екатеринославской и Херсонской губерний.

По мере продвижения казаков от гор. Екатеринослава на северо-запад вверх по р. Днепру и вдоль железной дороги Екатеринослав - Верховцево - Пятихатка - Знаменка - Бобринская; — и на запад и юго-запад от Екатеринослава — к Никополю, Кривому Рогу, и далее к Вознесенску, Ново Украинке и т. д., повстанцы Украины постепенно отступали в район Умани. Оперативные сводки Добровольческой армии отмечают: 4-го сентября у Доброводы, что к востоку от Умани, находится до 4-х тысяч махновцев; 9-го сентября махновцы принудили добровольцев отступить в район сел. Покотило, что к юго-западу от Умани...

К повстанцам, сосредоточившимся в районе Умани, просачивались селяне из разных районов Украины и приносили вести о насилиях деникинцев, о преследованиии всего украинского, о возвращении помещиков, о порке хлеборобов, о тяжелых налогах, и ко всему тому... о мобилизации населения в армию Деникина для борьбы за единую и неделимую Россию.

Эта политика очень скоро привела к соответствующим результатам: в августе-сентябре у Махна было сформировано четыре бригады пехотных и кавалерийских войск, отдельный артиллерийский дивизион и пулеметный полк — всего около 15.000 бойцов. Значительную часть этих войск составляли селяне южной части Украины — Екатеринославщины, Херсовщины и Таврии.

Крутой перелом в направлении движения махновцев наступил 12-13 сентября 1919 г. 13 сентября под Перегоновкой махновцы нанесли поражение деникинцам и всей своей массой двинулись на восток. 15-го

сентября махновцы были уже в Ново-Украинке, 16-17 сент. захватили гор. Елисаветград и станцию Долинскую; 21 сентября, захватив Кичкас, переправились на восточный берег р. Днепра и захватили гор. Александровск; 23 сентября в их руки попал гор. Орехов и 24 сентября они завладели Гуляй-Полем.

С 13-го по 24-е сентября, всего за 11 дней, Махно прошел 600 верст (П. Аршинов. История махновского движения. Берлин. 1923 г., стр. 139-143. Кубанин М. Махновщина. Ленинград, стр. 85-87. Деникин. Очерки смуты, т. 5-й, стр. 234. Оперативные сводки).

28-го сентября махновцы завладели городом Бердянском на берегу Азовского моря, где захватили большую военную добычу — 16 орудий, множество патронов, 30 грузовых автомобилей и т. д.

6-го октября махновцы взяли гор. Мариуполь и угрожали непосредственно городу Таганрогу, где находилась ставка ген. Деникина.

К этому времени Махно владел уже огромным районом Екатеринославской и Таврической губерний. «Положение становилось грозным и требовало мер исключительных», говорит ген. Деникин (там же).

Казаки снова спасают Добрармию.

Каково было в то время положение на фронте антибольшевицкой войны?

1 октября большевицкие войска захватили Киев и в последующие ближайшие дни шли упорные бои за обладание этим гордом.

30 сентября деникинцы взяли гор. Орел и на всем фронте от гор. Орла до гор. Кромы и далее до гор. Севска шли упорные бои, сначала с переменным успехом, но уже 7-го октября красные снова и окончательно взяли гор. Орел, после чего деникинцы начали откатываться на юг...

На правом фланге Добровольческой армии большевики сосредоточили в районе Воронежа конный корпус Буденного, подкрепили его пехотными частями и последовательно и упорно наносили удар за ударом по казачьей конной группе, состоявшей из 3-го Кубано - Терского и 4-го Донского Корпусов, поддержанных левофланговыми частями 3-го Донского корпуса. В конце концов, после трехнедельных боев, Буденный 11-го октября вытеснил казаков из гор. Воронежа.

22-23 сентября Донская армия перешла в решительное наступление против 8-й, 9-й и части 10-й красных армий.

Кавказская армия, принуждена драться на три фронта — на север, на восток и на юго-восток, была бессильна продвинуться значительно на север от гор. Царицына и поддержать таким образом успешно начавшееся наступление Донской армии...

В общем же, если внимательно присмотреться к событиям на длинном фронте и попробовать оценить их об'ективно, можно придти к такому заключению: с одной стороны, казачьи армии успешно защищали Казачью территорию от нашествия русских войск или из Казачьей Земли изгоняли зарвавшиеся туда русские красные войска; с другой стороны, красные войска активно и успешно защищали русскую территорию (Великороссию) от армий противников; русские белые выдвинулись было на русскую Землю в районе городов Курска-Орла, но были побиты красными войсками; в третьих, русские белые вожди попробовали было в июне-августе снова укрепить свою власть на территории Украины, но уже во второй половине сентября вся Степная Украина оказалась в руках повстанцев, угрожавших захватом ставки Деникина...

Совсем недавно, в августе 1919 г., казаки спасли положение штаба Добровольческой армии в гор. Харькове, отстоявши железную дорогу Харьков-Белгород (см. выше: «Ликвидация прорыва ударной группы ген. Селивачева»); еще недавно Деникин заявил украинскому народу: «Ваша карта на Петлюру бита»; еще недавно Деникин говорил о том, что он скоро будет пить чай в Москве... А теперь самому Деникину приходилось спасать свое положение в г. Таганроге, находившемся в глубоком тылу; приходилось спасать главные артиллерийские склады Добровольческой армии, находившиеся на станции Волноваха, что лежит в степи, верстах в 50-ти к северу от гор. Мариуполя...

Но где взять силы для этого?

Добровольцы тянулись от гор. Курска к гор. Орлу. Фронт Добровольческой армии растягивался в ниточку, готовую разорваться в любом месте... На левом фланге деникинцы набросились на Украинскую армию и в то же время старались перетянуть на свою сторону Галицкую армию...

Клокотала Украина, кипел Кавказ, Казачьи армии изнывали в тяжелой борьбе. Упорнейшее, решающее судьбу всего Южного фронта, боевое состязание шло между казачьей и красной конницей у гор. Воронежа...

Донская армия, приготовившись к натиску, 22-23 сентября сделала львиный прыжок через р. Дон и гнала 8-ю и 9-ю армии на северо-восток...

В это время напряженнейшей борьбы на казачье-русском фронте от Воронежа до Черного Яра на Вол, ге, борьбы, во время которой казачье командование держало на учете каждого казака, из гор. Таганрога раздался следующий приказ:

«Ростов. Копия Миллерово генкварм Дон. Харьков генкварм Добр.

Главком (Деникин) приказал 1-й Саперной Донской батальон, направленный на Кантемировку, отправить спешно кратчайшим путем на Волноваху. Желательно, чтобы к утру батальон высадился в Волновахе, где ему поступить в распоряжение полковника Васильева. Туда же направить одну из конных дивизий генерала Шкуро. Всемерно содействуйте ускорению этих переброс ок.

Таганрог. 25 сент. 1919 г. Плющевский-Плющик.»

26 сентября штаб Деникина послал командующему Донской армией новое приказание:

Командарм Дон. Главком приказал срочно перебросить в район Волноваха, в распоряжение генерала Ревишина одну конную бригаду. Прошу сообщить, какая бригада будет назначена и когда и где начнется ее разгрузка. Перевозку надлежит произвести с полным напряжением».

А 27 сентября опять новое приказание:

«Главком категорически настаивает на немедленном назначении в распоряжение ген. Ревишина одной конной бригады с батареей. Обстановка не позволяет медлить, почему необходимо назначить из ближайших к железной дороге бригад, чтобы возможно скорее начать посадку... Нр. 0135404. Плющевскій-Плющик».

В тот же день командующий Донской армией телеграфировал в Таганрог:

...«Мой единственный резерв — Тульская бригада — была бы уже введена в бой в Лискинской операции, если бы состояние бригады в смысле снабжения ее теплой одеждой позволяло. В данное время, когда завязались упорнейшие бои на всем фронте и Донармия испытывает **небывалое напряжение,** кроме назначенных уже к отправлению Саперного батальона, полка Тульской бригады и учебной батареи я снять с фронта ничего не могу.

Миллерево. 27 сентября 1919 г. 10 час. Нр. 0482/К. Генерал Сидорин».

28-го сентября махновцы заняли гор. Бердянск, а 29 сентября из штаба Деникина летел такой приказ казакам:

«Командарм Дон, Командарм Добр., командующему войсками Киевской, копия Волноваха ген. Ревишину... Передаю для немедленного исполнения телеграмму наштаглав: «Главком приказал принять все меры к ускорению переброски Терской дивизии и Донской бригады; первую направить в район Очеретино - Авдеевка, а вторую — Волноваха. Дальнейшее направление дать генералу Ревишину в зависимости от обстановки. Сверх того, без всякого замедления сосредоточить в районе Синельниково-Чаплино все части 9-й дивизи без партизанского полка. Дальнейшее направление также по обстановке по

указанию генерала Ревишина. Новороссийск. 29-9-19. 17 час. Нр. 285. Романовскій».

Таганрог. Нр. 013680. Плющевский Плющик»...

Один из очевидцев следующим образом описывает переброску Донской конной бригады полк. Морозова на фронт против махновцев:

...«Первой из фронтовых частей форсированными маршами, бросая обозы, отсталых людей и лошадей, прибыла на махновский фронт Донская конная бригада.

После тяжелого боя с конницей противника в районе к северо-востоку от города Богучара, закончившегося поздно ночью, бригада собралась было стать на ночлег в ближайшем селе, как вдруг получается приказание: немедленно готовиться к выступлению на ст. Кантемировка, где уже приготовлены поезда для следования на фронт Добрармии; второе приказание: выступить с рассветом. В эту ночь никто не спал, начиная с командира бригады и кончая последним обозным казаком... Задолго еще до рассвета полки стали строиться на сборных местах... Чуть забрезжил рассвет, бригада с грустью стала покидать еще вчера сулившее приятный отдых село, а вместе с тем и свои родные станицы и хутора, за которые она так долго и горячо билась. Все отлично понимали, что трудно будет без них на Дону, но в то же время знали, что там где-то... далеко... у добровольцев еще труднее... Семидесяти-верстный переход до Кантемировки (место посадки в поезда) пройден был в одни сутки, а через два дня (2 октября) бригада уже выгрузилась на ст. Волноваха, где поступила в распоряжение ген. Ревишина, руководившего операциями против Махно. Туда же двумя-тремя днями раньше прибыл из Новочеркасска Донской саперный батальон, состоявший исключительно из молодых казаков, отлично обученных не только своему техническому делу, но и штыковому бою»... (Журн. «Казачьи Думы», за 1923 г., номер 10, стр. 10-11).

3-ий Кубано - Терский конный корпус, состоявший из 1-й Кавказ. - Кубанской и 1-й Терской дивизий, в августе 1919 г., как мы знаем, сыграл выдающуюся роль в ликвидации прорыва ударной группы войск ген. Селивачева. 17-го сентября этот корпус занял гор. Воронеж и с 20-х чисел того же месяца вел ожесточеннейшие бои с конным корпусом Буденного за обладание районом города Воронежа.

Терская дивизия этого корпуса сыграла блестящую роль в деле выгона большевицких войск из Украины в мае-июне 1919 г. (см. ч. 2-ю «Траг. Казачества»); потом эта же дивизия прославила себя новыми успехами в боях в бассейне реки Ворсклы (см. выше: «Борьба на Левобережной Украине»).

Теперь эту славную казачью дивизию Деникин вырвал из состава 3-г- Корпуса именно в те дни, когда упорнейшая борьба вокруг гор. Воронежа достигла наивысшей степени напряжения.

Махновцы приближались к Мариуполю... Штаб Деникина нервничал в Таганроге и посылал одну телеграмму за другой командованию Донской армии. Так, 4-го октября нач. штаба Романовский запрашивал командование Дон армии о том, чем вызвана задержка в погрузке и отправке Терской дивизии (в то время Кубано - Терский корпус ген. Шкуро был временно подчинен командующему Дон. армией). В тот же день наштарм Дон ответил:

«Донская бригада отправлена своевременно. Вследствие боев под Лисками нарушена связь с штакором 3-го Конного (Шкуро) и до сих пор в штарм Дон неизвестно местонахождение всех частей этой дивизии. Терско - Моздокский полк, по сведениям из штакора 3-го Донского, вел сегодня бой в районе с. Гольшевское. Приказание отдается и по получении сведений будет донесено немедленно. Миллерово. 4-10-19. 24 часа, нр. 0567/К. За наштарм Дон полк. Кислов».

4-го же октября штаб Добровольческой армии телеграфировал командующему Донской армии: «Главком приказал: минуя всякие препятствия, завтра 5-го октября. двинуть Терскую дивизию на юг в распоряжение генерала Ревишина».

30-го сентября добровольцы захватили г. Орел и в первых числах октября в районе этого города разыгрались весьма серьезные и решающие бои между войсками «белой» и «красной» России. Такие же ожесточенные бои шли в районе гор. Воронежа между казачьей и красной конницей... Шла упорная борьба за обладание гор. Киевом. Большевицкая угроза непосредственно висела над городом Царицыном...

При всех этих условиях Деникин вел наступление против антибольшевицкой Украинской армии и в то же время вел упорные бои за обладание Дагестаном.

6-го октября сам Деникин телеграфировал:

«Командарм Дон. По последним сводкам Горско-Моздокский полк в бою восточнее Давыдовки, а Волгский полк опять введен в дело у Воронежа. Приказываю немедленно вывести дивизию из боя и спешно везти на юг. Махновцами заняты Александровск-Мелитополь - Бердянскъ и сегодня они ведут наступление на Мариуполь. **Преступление задерживающих дивизию ничем оправдано быть не может.**

Таганрог. 6-10-19. 4 часа. Нр. 33 Ген. Деникин».

6-го октября Махно занял гор. Мариуполь и направился в сторону Таганрога. На севере красные выбили деникинцев из гор. Орла. Грозовые тучи нависли над головами белых вождей...

Для уяснения общего положения на фронте и в тылу в то время приведем здесь еще некоторые документы.

«6-го октября Мариуполь занят махновцами. Главком приказал принять исключительные меры для ускорения Терской дивизии. Нр. 214. Ген. Плющевский-Плющик».

«Генкварм Дон. Наштаглав приказал отыскать во чтобы то ни стало 2-ю бригаду Терской дивизии и спешно направить ее по назначению. Для восстановления связи с ней использовать все средства включительно до самолетов и отдельных паровозов. Таганрог. 6 октября. Нр. 013844. Плющевский-Плющик».

«Оперативная. Секретно. Главком. Таганрог.

«Приказал производить посадку и отправлять на Лихую из Кантемировки мой единственный резерв — Тульскую бригаду, не успевшую еще закончить приведение себя в порядок с только что влитым в нее необученным укомплектованием и не одетую. Кроме выдачи имеющихся запасов обмундирования Корпуса приказываю выделить из Новочеркасска запасов на Лихую, что можно. Вместе с тем докладываю, что 1-й эшелон Горско - Моздокской бригады отправлен со ст. Лиски по назначению сегодня в 17 час. 30 мин. Погрузка бригады заканчивается утром 7-го октября. Прошу подтвердить приказание, надо ли отправлять при таких условиях Тульскую бригаду, особенно имея в виду серьезное осложнение обстановки на флангах Донской армии.

Новочеркасск. 6-го октября 23 часа 45 мин. Нр. 0588/К. Ген. Сидорин.»

...«Командарм Дон. Главком приказал теперь же перебросить в его распоряжение через ст. Лихую, в район Авдеевка - Доля - Иловайская, Тульскую бригаду в полном составе с артиллерией. Желательно, чтобы бригада перед отправлением была снабжена обувью и обмундированием, которые будут возвращены Донармии из запасов вооруженных сил Юга России. Таганрог. 7 октября, нр. 013368. Ген. Романовский».

7-го октября командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский из гор. Курска телеграфировал командиру Кубано - Терского корпуса ген. Шкуро о категорическом требовании ген. Деникина «немедленно, минуя всякие препятствия» отправить Терскую дивизию в распоряжение ген. Ревишина. При этом ген. Май-Маевский сообщал, что для расследования причин задержки дивизии отправлен ген. Лихачев.

8-го октября командующий Добр. армией ген. Май-Маевский снова телеграфировал:

«Ген. Шкуро, копия наштаглав., копия генкварм Добр.. копия — ген. Ревишину, копия Командарм Дон.

Мариуполь занят махновцами, **что создает уже угрозу ставке.** Надеюсь, что ввиду такой обстановки, несмотря на известное мне трудное условие, в котором Вы находитесь до подхода частей Мамонтова, все же со свойственной Вам энергией примете немедленно и решительно все меры к тому, чтобы Терская дивизия была переброшена к генералу Ревишину в наикратчайший срок. Сообщаю для сведения, что директивой Главкома отряд ген. Ревишина подчинен мне. Ст. Становой Колодезь. 8-го октября 1919 г. 9 часов. Нр. 0085. Ген. Май-Маевский».

При рассмотрении всех этих обстоятельств борьбы следует особенно подчеркнуть и тот факт, что именно 8-го октября в Таганроге, на Совещании генералов Деникина и Врангеля, было решено **подготовить и произвести вооруженный переворотъ на непокорной вольнолюбивой Кубани,** дабы всю ответственность за возможные неудачи «белого» движения возложить на головы кубанских самостийников, дабы очистить «белым» вождям пути отступления на Кубань, дабы избежать заслуженной кары со стороны Казачества, поставленного на самом краю пропасти всей политикой «белых» русских и русских-казачьих вождей. Русские генералы решили совершить еще одно тягчайшее преступление перед Казачеством (см. об этом далее).

Пока генералы разыскивали спасительную Терскую дивизию, 30 сентября, как сказано выше, со станции Кантемировка началась уже спешная отправка Донской конной бригады. Только благодаря усилиям казаков этой бригады и были спасены артиллерийские склады на ст. Волноваха; благодаря этой же бригаде Деникин мог оставаться в г. Таганроге...

Как сказано выше, Донская бригада высадилась на ст. Волноваха 2 октября. «Несмотря на чрезмерное утомление бригады, ей не было дано, что называется, ни отдыха, ни срока. Один полк немедленно был отправлен походным порядком к ст. Цареконстантиновка, на которую наседал Махно, а с другой — для разведки на широком фронте — в сторону с. Гуляй-Поле. Таким образом полки в незнакомой им боевой обстановке сразу были лишены об'единяющего начала в лице своего командира бригады... Защита городов Бердянска и Мариуполя была поручена местным гарнизонам, но они были настолько малочисленны и деморализованы быстротой движения Махно, что после слабого сопротивления быстро откатились в сторону Таганрога. Это создало большую угозу ставке Главнокомандующего».

«Нужно было во что бы то ни стало, не теряя ни одного дня, снова занять Мариуполь и очистить весь приморский район, дабы спасти штаб и обеспечить ему спокойную работу»... И действительно, Донская бригада заняла Мариуполь. «Ей одной принадлежит и честь защиты Ставки от возможного разгрома», повествует один из участников всей операции (журн. «Казачьи Думы», нр. 10 за 1923 г.) Оперативная сводка Добр. армии 8-е октября 1919 г. сообщила:

«Сводная Донская бригада полковника Морозова после боя выбила махновцев из Мариуполя, захвачено 2 орудия и пулеметы».

После взятия г. Мариуполя Донская бригада направилась далее на запад. Эта казачья бригада заняла потом Н. Спаское, гор. Бердянск, Черниговку, В. Токмак....

В это время прибыла Терская дивизия, направленная в район Гуляй Поля. 18 октября эта дивизия занимала район Покровское - Богодар - Гуляй Поле. Особенно упорные бои произошли у станции Пологи и сел. Гуляй Поле. Потом Терцы заняли Омельник, г. Орехов, Жеребец, Дарьевку...

Ударом Донской бригады с юга, а Терской дивизии с востока и с севера 23 октября был занят г. Александровск. Официальная сводка Добр. армии 24 октября с восторгом сообщала: «Значительные силы махновцев, неуспевшие переправиться через р. Днепр, **массами уничтожаются в районе ст. Янцево - Александровск»...**

По воле Деникина в октябре 1919 г. на Украине работало 9-ть конных казачьих полков (4 полка Терской дивизии, два полка Донской бригады полковника Морозова, 42-й Донской, 2-й Лабинский и Черноморский полки) и 2-я Терская пластунская бригада. Этим облегчались задачи красной России, стремившейся завоевать Казачьи Земли.

Казаки, спасая русских «белых», губили свое казачье освободительное движение.

(Продолжение следует).

Николай Посохов

Путями предков

(Продолжение)

Облака, повидимому, стали расходиться, так как на небе стало загораться все больше и больше звезд. Со стороны густого папоротника, где были заложены секреты, послышался протяжный волчий вой. Через мгновенье вой повторился.

— Образцов, пойти к секрету номер два, зовут оттуда, — сказал урядник.

Взяв свою винтовку, казак, к которому относились эти слова, быстро вышел из полосы света по направлению только-что услышанного волчьего воя и зияющая черная пасть темной ночи поглотила его.

Через четверть часа оставшиеся в заставе услышали приближающиеся шаги. Слышно было, что идут несколько человек. Вскоре в полосу света вошли, в сопровождении Образцова, два молодых казака и старик со всклокоченной бородой, в серой свитке, подпоясанный простой веревкой и в лаптях. В одном из казаков Джигит сразу узнал своего вестового Димитрия и, со словами: «Митя, здравствуй, дорогой». пошел навстречу ему.

Димитрий, в свою очередь, бросился к нему со словами:

— Ну, слава Богу, господин сотник, что я встретил вас! А то я боялся, что меня приведут к кому-нибудь незнакомому. Вот с нами есть один мужик, — начал он шептать на ухо Джигиту. — Мы его не знаем. Еще днем мы встретились в лесу, он говорит, что из станицы Лабинской, называет себя полковником, но мы не знаем, верить-ли ему, так как он в лаптях. Боимся, не шпион ли, хотя он и говорит, что когда его увидит ген. Гейман, то признает...

— Вы начальник заставы? — обратился пришедший в таком странном костюме старик. — Вы не удивляйтесь такому маскараду. Я полковник Пахомов из станицы Лабинской.

— Очень приятно, господин полковник, разрешите представиться — сотник... А скажите, пожалуйста, это не родственник ваш был есаул Пахомов, переведшийся из артиллерии в наш полк во время европейской войны?

— Да, это мой сын, который погиб во время переправы через Стоход, за которую он, уже после смерти, получил в награду георгиевский крест, — ответил старик.

— В этом же самом бою и мой брат получил тоже крест, господин полковник, но только не георгиевский, а деревянный, так как он был убит вместе с вашим сыном, — добавил Джигит и лицо его затянулось грустью. — Садитесь, господин полковник, отдохните с дороги; Вы, вероятно, устали и верно хотите есть. Шуткин, — обратился он к уряднику, начальнику заставы, — распорядись принести ведро воды и согреть чаю для всех наших гостей, да пошли кого нибудь к моим станичникам в шалаш за хлебом.

— Господин сотник, у меня есть хлеб и пышки из дому, хватит на всех, — заявил Димитрий.

— Ну, ладно, тогда не посылай... Ну, Димитрий, рассказывай, что у нас делается в станице, — обратился Джигит к своему старому вестовому, с которым читатели уже знакомы в начале этой повести.

— Господин сотник, мне бы вам не хотелось ничего рассказывать.

— Что так? — спросил с безпокойством Джигит. — Разве принес плохие вести?

Казак молча опустил взгляд в землю.

— Ну, Димитрий, рассказывай все, что есть, ты, ведь, знаешь, я не из плаксивых.

Однако, при таком вступлении Димитрия и его как-бы виноватом виде, сердце Джигита больно сжалось...

— Вот, господин сотник, — как бы нехотя, с трудом, не глядя на сотника, начал Димитрий рассказывать, — мама ваша больна сейчас, в кровати. мне передавала кума Фекла, она часто ходит навещать вашу маму.

— Да, мама у меня старенькая уже, а тут такая проклятая жизнь и безпокойство за своих сыновей, — начал сотник, — одного она лишилась еще в войну, а двое, как волки, забежали в лес...

Димитрий молчал.

— Ну, а как папаша? дядько Петренко и Галя? Ты видел их или слышал что-нибудь о них?

— Господин сотник, вот об этом я и не хотел бы вам говорить, чтобы не огорчить вас.

— Что такое? — насторожился Джигит. — Нет, Митя, говори всю правду.

— Ну, так и быть, господин сотник. Ваш папаша, Галя и дядько Петренко приказали вам долго жить.

— Что? — вскочил на ноги Джигит, — умерли?! Не может быть!

Среди казаков воцарилось глубокое молчание, молчал и Димитрий. Молчание прервал Джигит, бледный, с высохшими сразу губами, снял шапку, перекрестился, произнеся почти шопотом: «Царство Небесное!» и стоял неподвижно, хотя губы его нервно подергивались. Встали и все казаки и, сняв шапки, тоже перекрестились. Наступило гробовое молчание. Было что-то невыразимо жуткое, страшное и в этом мертвенно - бледном лице Джигита и заросших бородами, обветренных лицах казаков, и в самой темноте ночи, нависшей над этим клочком света, сдавивши его своим непроницаемым мраком со всех сторон, и в этом, наступившем вдруг, гробовом молчании, нарушаемом только треском горящего костра.

Как-бы вдруг почувствовав усталость, Джигит прислонился спиной к росшему здесь дубу, под развесистой шапкой которого горел костер, и, обращаясь к Димитрию, прервал молчание и, сделав над собой усилие, как-бы на что-то решившись, сказал:

— Что-же, значит, такова судьба! Садись, Митя, и рассказывай все то, что знаешь.

Помолчав немного, Димитрий начал свой рассказ. Остальные казаки подвинулись ближе к рассказчику и сосредоточенно приготовились слушать.

— Как только из нашей станицы ушли в лес политический и военный комиссары и увезли с собой командира местного красного эскадрона, которого на другой день нашли убитым в кукурузе около табачной плантации грека Анастаса, в станицу нагрянул карательный отряд. Я как-раз в ту неделю отбывал при управлении посыльным. Сперва с музыкой хоронили убитого командира, потом начали карать станицу. Приехавший автомобиль и конный отряд сейчас же кузнец Пырка повел к вашему дому. После ваши соседи рассказывали, что когда под'ехал к дому автомобиль и конные окружили дом, то все соседи от испуга попрятались и только слышали залп, а потом шум уезжавшего автомобиля. Когда все стихло и соседи вышли из дому, то мама ваша очнулась.

Потупившись в землю, казаки слушали рассказ, боясь взглянуть на Джигита, а Димитрий смолк. Усилием воли Джигит преодолел подступивший к горлу комок горечи и слез и бледными, высохшими губами проговорил:

— Рассказывай все, как было с Галей. Что слышал?

— Да вот, как только они покарали ваш дом, — продолжал Димитрий, — они приехали к правлению, комиссар вынул какую-то бумагу и приказал дежурному указать, где живет Петренко. Дежурный сказал, что он в станице не живет, а живет в лесу. Тогда комиссар приказал дать проводника. Дежурный приказал мне сесть на общественного жеребца и проводить их. От карательного отряда со мной поехал целый взвод конных солдат.

Когда мы под'ехали к караулке, на двор вышел дядько Петренко, Гали не было видно. Начальник приехавшего взвода, по всей видимости бывший каторжник, сейчас же стал допрашивать дядька Петренко, где тут в лесу скрываются офицеры.

— А я почем знаю, де вони ховаються? Коли ти знаешь, шукай.

— А есть у тебя оружие? спросил начальник.

— А як же не бути, я як лісник, по должности маю ружжо.

— Давай его сюда, где оно?

— Та воно у хаті на стіні висить.

Командир взвода пошел вслед за Петренко в горницу и через минуту вернулся, неся в руках винтовку. Затем, пошептавшись с некоторыми солдатами, передал ее одному из них. Командир взвода остался на дворе, а один солдат вошел в дом и позвал Петренко наружу. Когда дядька Петренко вышел, солдаты окружили его, связали и стали допрашивать, где скрываются офицеры и где его деньги. Сам начальник вошел в горницу. Я сперва не понимал, в чем дело, но когда услыхал громкий женский крик в доме и после этого выстрел, я думал, что начальник убил Галю. Один из солдат отделился и вскочил в дом, но тотчас же раздался второй выстрел и солдат, раненый в живот, истекая кровью, выскочил обратно и повалился у крыльца. Следом за ним, со страшно перекошенным и бледным лицом, выскочила Галя в изодранном в клочья платье и с револьвером и бросилась к стоявшим солдатам, но не успела сделать и шага, как один из солдат из винтовки выстрелил в нее и она, как сноп, повалилась на землю. Пуля попала в сердце. Петренко рванулся к дочери, но солдаты, стоявшие сзади, выстрелили ему в затылок и старик ничком упал на землю. Затем солдаты перерыли все в доме, ища денег и забирая все, что им нравилось. Своего мертваго начальника и раненного они взяли на Петренкины дроги и повезли хоронить в станицу. Раненный солдат по дороге умер. В станице я рассказал нашим бабам и дивчатам и они пошли и похоронили покойников там же в лесу, отца и дочь в одной могиле, а я сделал и закопал дубовый крест. После всего, что я видел, я больше не мог оставаться в станице и ушел.

Димитрий замолчал. Молчали все. Джигит неподвижный, словно оцепеневший уставившись в мрак ночи, тоже молчал. Казалось, мысли его отсутствовали. Наконец, как-бы отряхивая какие-то назойливые думы, он тряхнул головой, подошел к Димитрию, пожал ему руку, говоря:

— Спасибо, брат теперь я постараюсь справить достойные поминки по дорогим покойникам.

— Господин сотник, вот вам крест святой, что и мы с вами будем всегда и поможем вам. Наши руки. шашки, винтовки и все мы готовы всегда.

— Спасибо, братцы, — ответил Джигит, и тут только заметил, что ведро с водою для чая наполовину уже выкипело.

— Димитрий, поухаживай за полковником. —

Господин полковник, приступайте к чаю, а потом все вместе представитесь начальнику отряда, я же пойду проверить другие заставы и посты.

Как бы под какой-то тяжелой ношей, шатаясь, словно хмельной, Джигит отделился от костра. Мгла ночи стала редеть, на востоке показалась чуть заметная молочно-белая полоса; приближался рассвет. Из лесу тянуло больше и больше сыростью. Послышался сперва треск, а потом шум падающего, повидимому, подгнившего дерева или поврежденного ранней грозой, и снова все смолкло. Наступила таинственная предрассветная тишина. Без цели, как автомат, бродил Джигит по лесным тропинкам, не замечая ни проснувшихся птиц, огласивших лес своим веселым и задорным концертом, ни пугливых зайцев, выскакивавших из кустов у самых его ног. Наконец, может от бессонной ночи и от всей пережитой душевной драмы, или от усталости, Джигит оперся на склоненное, росшее около ручья, ореховое дерево, купавшее свои листья в воде ручья. Пробившиеся сквозь листву солнечные зайчики-лучи придавали его лицу еще более мертвенную бледность. Вахмистр сотни, направившийся было к нему для рапорта о смене охранения, нерешительно остановился в отдалении. В эту минуту к вахмистру подошел брат Джигита Петя, уже давно разыскивавший его. По нервности и бледности брата было заметно, что он тоже знает все...

Сказав невнятно несколько слов хриплым голосом, которых вахмистр не понял, Петя направился к Джигиту. Вахмистр досадливо махнул рукой и пошел по направлению к штабу отряда.

Подойдя к Джигиту, брат обнял его и склонился головой к его груди. Прикосновение брата вывело Джигита из оцепенения и вернуло его к реальной жизни.

— Петя, ты уже знаешь?

— Да, Коля, Димитрий мне все рассказал.

Наступило молчание.

— Такова судьба, Петя, — сказал Джигит, прерывая молчание и освобождаясь из об'ятий брата, крепко сжал ему руку.

Генерал с'ездил в Сочи через перевал и, связавшись с грузинским отрядом, получил небольшое подкрепление. Прибыл один пулемет и часть казаков. Пушки через перевал доставить было нельзя. Повстанческий отряд был уже достаточно силен, чтобы выйти из лесов и гор в долину рек Белой и Курджипской и занять станицы, лежавшие вокруг Майкопа. Была занята станица Курджипская и левый берег Белой, против станицы Тульской. Раз'езды отряда по левому берегу Белой доходили до молочной фермы, занятой большевиками. С высокой Кобезевой горы против станицы Тульской было видно, все, что происходит в станице. Часто по дороге из Майкопа в станицу приезжали целые обозы пустых телег и уезжали из станицы нагруженные. Майкопские жители, солдаты и комиссары увозили к себе в Майкоп из станицы все, что им нравилось из казачьего добра. Из казачьих куреней вывозилось все, до мебели включительно. Ночью разведчики - станичники пробирались в станицу и узнавали от оставшихся и прятавшихся в погребах и подвалах стариков и казачек о всех тех глумлениях и насилиях, что творились новой властью, живыми свидетелями которых были ограбленные, а некоторые уже и разрушенные курени.

Однажды казаки, стоявшие на посту против винокуренного завода, увидели, как из окопов большевиков, тянувшихся от горы до самой реки и которые были заняты Майкопским красным полком, вышла группа людей, поспешно направилась к реке и стала переходить в брод. Казаки сперва думали, что большевики наступают, но потом заметили, что по переходящим в брод вооруженным людям поднялась из окопов стрельба. Казаки не стреляли. Приблизившись к берегу, один из них закричал:

— Не стреляйте, мы к вам!

Это были все бывшие офицеры майкопцы, попавшие на командные должности полка по выбору. Всех их было около двадцати человек. Из перешедших офицеров была составлена пешая разведческая команда, которая для большей уверенности была пополнена казаками. Красные газеты в двенадцать раз преувеличили силу повстанцев - казаков.

Наконец, в начале сентября Джигит был вызван в штаб отряда и получил задачу: с сотнею казаков и пулеметом произвести нападение на окопы красных со стороны своей станицы. С вечера Джигит покинул станицу Курджипскую и на рассвете, миновав свою станицу, повел разведку на окопы. Окопы были уже оставлены красными. Сделав разведку по всей линии, Джигит убедился, что и лагерные казармы и молочная ферма уже свободны от красных. В предместьи Майкопа встретившийся мужик сообщил, что товарищи ушли из города. На горизонте из леса поднялся солнечный шар, озаряя сотню Джигита, медленно приближавшуюся к дубильному заводу. К головному раз'езду, где был и Джигит, рысью приблизился дозорный со словами:

— Там впереди, конные солдаты, целый взвод.

Но Джигит и сам видел их.

Конный взвод, выходивший из города, остановился в нерешительности. Джигит видел впереди всадника, у которого на солнце блестели погоны. Приостановив сотню, Джигит с несколькими казаками направился к остановившемуся взводу. Это были казаки из дивизии ген. Покровского, наступавшие на Майкоп с другой стороны. Обменявшись с офицером сведениями, Джигит принял предложение последнего ехать в штаб дивизии.

Собрав сотню, Джигит во главе ее в'ехал в город, направляясь к штабу отряда, расположившемуся вблизи Соборной площади. Знавшие Джигита жители радостно приветствовали его. Теперь они были уверены, что пришли свои, так как большевики во время своего пребывания в городе прибегали иногда к провокации, пуская по городу взводы солдат с офицерами в погонах, и тех, кто встречал эти взводы, как освободителей, принимая их за войска белых, сейчас же арестовывали и расстреливали.

Сделав доклад в штабе дивизии и получив секретный пакет для Начальника своего отряда, Джигит с надежным раз'ездом отправил этот пакет ему, оставшись сам в Майкопе со своей сотней. На другой день весь отряд ген. Геймана вступил в Майкоп. Но только три дня пробыл отряд в городе. Сотня Джигита вела напряженную разведку во всех направлениях города. Выяснилось, что громадный отряд большевиков пробивался к Армавиру на присоединение к остальной русской красной армии.

Дивизия Покровского отошла к станицам Белореченской и Гиагинской, став завесой, а отряд Геймана занял свое исходное положение отойдя к станице Курджипской. Два дня глаза и уши отошедших отрядов - разведчиков — следили за прохождением двадцати-тысячного отряда коммунистов, а потом дружным ударом с двух сторон сдавили и оторвали хвост отряда...

Оба отряда, соединившись, продолжали преследование. В занятых станицах Джигит пополнил свою сотню молодыми казаками и офицерами. Молодой хорунжий Никитин, вечно улыбающийся и поющий с казаками, был по душе Джигиту, да и казаки любили его и часто запросто делились своими впечатлениями.

Посланный со взводом от сотни, хорунжий Данилов в станицу Махошевскую для разведки, лихим маневром занял станицу, выбил из нее две роты красных и отбил у них санитарный обоз, вернулся в сотню, приведя с собой около ста казаков махошевцев. Среди присоединившихся Джигит встретил много своих однополчан - соратников по великой войне.

Заняв станицу Лабинскую, дивизия ген. Покровского 4-го октября выступила по направлению к станице Вознесенской. Сотня Джигита шла в голове отряда. Ведя разведку, к полудню подошли к станице Вознесенской и, пользуясь складками местности, расположились укрыто. Станица была занята Павлоградским полком, состоявшим почти исключительно из китайцев. Окраины станицы были укреплены. Завяза-

лась артиллерийская стрельба. Из подошедших частей дивизии три спешенные сотни повели наступление цепями, но сильный пулеметный огонь красных заставил их залечь на простиравшемся перед станицей пахотном поле. С артиллерийской позиции было видно, как со стороны станицы Урупской из-за больших стогов соломы вышли конные сотни и пошли в атаку на станицу с фланга. Это были черкесы из бригады ген. Александра Бек-Мурзаева, но встреченные сильным пулеметным огнем, черкесы замялись и начали отходить.

Джигит был вызван командиром полка на артиллерийскую позицию, с которой, как на ладони, была видна картина боя.

— Сотник, — сказал полковник, — вы видите, какова обстановка, надо поддержать черкесов. Возьмите пулемет и дивизион, и пройдя наши спешенные сотни, атакуйте красных с фронта.

— Слушаюсь, — коротко ответил Джигит и быстро направился к расположенным в резерве сотням.

Выйдя из прикрытия и развернув дивизион в лаву по пахотному полю, с пулеметом на фланге, Джигит атаковал красных, засевших в окопах. Китайцы сидевшие в окопах, не выдержали натиска и, бросая окопы, безпорядочно стали убегать через огороды и сады.

У самой станицы лошадь Джигита была убита. Взяв лошадь другого казака, Джигит с дивизионом вскочил в станицу и, быстро пройдя станицу, вышел на ровное открытое поле, преследуя отступавшие густые цепи китайцев и красных. Подтянув и выровняв весь дивизион и дав ему новое направление, чтобы охватить с фланга оступающих, Джигит продолжал преследовать в открытом поле красных. В своем преследовании Джигит слишком зарвался и, оставив далеко позади казаков, врезался в самую гущу красных, которые, лишившись своих комиссаров - коммунистов, убежавших вперед, уже начали сдаваться и бросать винтовки. Позади Джигита, не отставая от него, следовал станичник Димитрий. Но не все красные сдавались. Один упорно продолжал отстреливаться. Он выстрелил в упор в Джигита, но промахнулся и пуля ранила следовавшего позади Димитрия в живот. Джигит выстрелил в красного и тоже промахнулся. Обменялись выстрелами второй раз. На этот раз Джигит был ранен в правую руку и не мог более владеть оружием. Думая смять противника лошадью, Джигит сжал ее шенкелями, но красный выстрелил в грудь лошади и она стала падать. Соскочив на землю, Джигит с кинжалом в левой руке бросился на противника в рукопашную, но в этот момент подоспел вахмистр Тарасенко и лихим ударом клинка уложил красного на месте.

Приказав своему офицеру собрать сотни и всех пленных и вести их в штаб, сам Джигит позвал фельдшера и приказал заняться станичником Димитрием, ранение которого оказалось смертельным. Забыв о своем ранении, Джигит распорядился положить его на санитарку и немедленно отправить в лазарет. Фельдшер отправил санитарку и, увидев кровь на руке Джигита, вскрикнул:

— Вы тоже, господин сотник, ранены!

— Это пустяки, мне не больно.

— Давайте, я перевяжу, — сказал фельдшер и занялся рукой Джигита.

Ранение оказалось, действительно, не серьезным. Вернувшись уже в сумерки в станицу, Джигит разыскал в лазарете Димитрия; доктор предупредил, что он не проживет и полчаса. Димитрий был еще в сознании, когда Джигит подошел к нему. При виде Джигита у него на лице появилась грустная улыбка и он сказал:

— Господин сотник, знаю, что я скоро умру, прошу вас, передайте мое благословение сыну, будьте ему отцом и защитником моей жены. Хотелось бы быть похороненным в своей станице...

Сказав эти слова, он сильно застонал, руки потянулись на живот и он начал бредить и уже не узнавал никого. Приказав одному из своих станичников остаться около умирающего и после смерти собрать все его вещи и, сделав гроб, положить тело и вместе с лошадью отправить в станицу к жене.

Так лишился Джигит преданного друга и соратника по великой войне Димитрия Кривцова.

(Продолжение следует).

Гавриил Павлов

Восстание в станицах Заплавской и Бесергеневской весною 1918 года

Давно уже русские солдаты бросили фронт и ушли по своим губерниям делить землю. 2-я Сводная казачья дивизия (16 и 17 донские полки, 1-й Линейный Кубанского Войска и 1-й Волжский Терского Войска) стала тоже пробираться к себе. В декабре месяце 16-й донской полк с большими трудностями раздобыл подвижной состав и, погрузившись, двинулся на Дон. По пути следования полку все время чинились препятствия, а на одной из станций явились представители совдепов и потребовали самым категорическим образом выдать им офицеров полка. Если казаки этого не сделают, то дальше уехать не смогут. Уже было приказано отцепить наш паровоз.

Делать было нечего, нужно было принимать решительные меры. Был подан условный сигнал, по которому казаки немедленно вышли из вагонов и тут же принялись «прочищать себе дорогу». Результаты получились совершенно для товарищей неожиданные. Крупа, не ждавшая такого оборота дела, разбежалась кто куда попало и на много верст вокруг нельзя было найти ни одного солдата. Эшелон беспрепятственно двинулся дальше и спокойно доехал до Полтавы, где был встречен запорожскими украинскими казаками во главе со своим сотником. Приняли нас там хорошо и попросили задержаться 3 дня, чтобы отогнать разнузданные русские красногвардейские банды, целая дивизия которых находилась в Полтаве. Вслед за нашим эшелоном, в Полтаву пришел еще один эшелон казаков при двух орудиях.

Заручившись словом казаков о поддержке, запорожцы повели наступление на красных и пред'явили им ультиматум: немедленно сдаться, а если это не будет выполнено, то будет бой. Красные убедились, что это не простая угроза, сдались запорожцам, которые их обезоружили, а они, уже обезоруженные, разбежались кто куда попало.

За эту моральную поддержку мы получили благодарность, нам дали лучший паровоз и 10 декабря, без всяких приключений, мы добрались до Новочеркасска.

Трудно было понять, что тут происходит, однако мы старались понять. Расквартирован полк был в станице Манычской, где и простоял около трех недель, ничего не делая. Обстановка того времени еще больше снижала настроение людей, утомленных великой войной. Полк численно уменьшался, редко кто возвращался из отпуска.

Однажды было получено распоряжение: полку не-

медленно двинуться на Новочеркасск. Приказание было исполнено, хотя численно полк не превышал 200 сабель. Дойти до Новочеркасска не удалось, т. к. было получено распоряжение стать по квартирам в станице Кривянской. Скоро было получено распоряжение выступить на фронт на станцию Лиски, но казаки отказались, мотивируя свой отказ тем, что туда идет Голубов с казаками и что они против своих же казаков не пойдут.

Тут же, в станице Кривянской, мы получили печальное извести, что Атаман Каледин застрелился. Тяжело было всем на душе, но обстановка не прояснялась. Полк был опрошен: не найдется ли желающих идти добровольно на фронт. И опять казаки дали тот же ответ: против своих казаков не пойдем. А Голубов в это время уже двигался к Новочеркасску. Его манила сладость власти Войскового Атамана и он хотел получить пернач какою угодно ценою. Как известно, своей головой заплатил он за эту попытку.

Положение нашего полка было безвыходное. Но вот последовало распоряжение о роспуске полка по домам. Знамя было сдано в церковь и казаки стали раз'езжаться.

Жалко было мне бросать на произвол судьбы хорошие пулеметы. Я предупредил своего отца, чтобы он вырыл яму, т. к. привезу «гостинцы». Ночью, на подводе старика казака, я привез в свою станицу 2 пулемета, 20 цынок патрон и 25 коробок с пулеметными лентами. С помощью отца и брата подростка зарыли мы все это в землю, а утром я уже был в полку. Никто не знал, куда пропали пулеметы. Что же удивительного, отвечал я на вопросы (я был в пулеметной команде), что пропали пулеметы. Никто никого не слушает, службы никто не несет, имущество не охраняется...

Раз'езды Голубкова уже вступили в станицу, набросились на два оставшиеся пулемета, а казаки 16 полка, кто еще не успел уехать домой, собирались выезжать. Поехал и я. По дороге встретил еще один раз'езд, который, после некоторых об'яснений, пропустил меня, хотя один из казаков и ударил меня плашмя палашом по плечу, т. к. не совсем доверял моему рассказу, а думал, что я один из оставшихся защитников Новочеркасска. Как он не играл палашом над моею головою, но видимо помнил, что и я и он казаки, а свой своего не имеет права рубить.

Только развязался с ними и стал продолжать путь, как встретил весь отряд Голубова и сам он едет впереди. Опять допрос. Говорю, кто и откуда, и какой станицы. Получаю пропуск и, наконец, попадаю в станицу.

Сумно было тогда по казачьим станицам. Никто не знал, что делать. Собирались часто, говорили много, но ни к какому решению не приходили. Одни были за немедленные действия, а другие за выжидание.

Смерть Каледина, хозяйничанье Голубова в Новочеркасске, расстрел Назарова, разгон Круга, все это не могло проходить незаметно. Голубов видит, что ничего он не сделает без казачьих патриотов, хотя его и поддерживали русские ваньки. Он бросается в степи, находит там М. П. Богаевского и под честное слово донского казака везет его в Новочеркасск, где потом и предает в руки ваньков, а те расправляются с ним своим способом. Сам Голубов убегает из Новочеркасска и уже по станицам об'являет казакам, что там расправляются с казакми. Голубову никто не верит, а только упрекают его в том, что виноват больше всего он, т. к. это он привел ваньков на Дон. Когда в станичном совете станицы Бесергеневской его спросили:

— Ну, как там дела, товарищ Голубов?

То он грубо оборвал спрашивавшего:

— Я вам не товарищ, а войсковой старшина...

— Ага, отвечали ему, значит, ты белопогонник!..

Голубов кинулся на станицу Богаевскую, но был настигнут казаками, арестован и препровожден в станицу Заплавскую, где и был посажен под арест.

Этот момент и нужно считать началом восстания, о котором идет речь.

Утомленные дневной работой по подготовке к весенним работам, спали казаки, когда их разбудил набат. Вся станица собралась на зов набата, а на площади атаман станицы (мой родной брат) об'яснил о положении в казачьей столице. Ночь прошла в нервном напряжении, ждали «гостей» из Новочеркасска, но до утра никто не явился. Утром двинулись на станицу Кривянскую; там тоже к восстанию были готовы и присоединились к нам. Таким образом восстало сразу три станицы: Заплавская, Бесергеневская и Кривянская. Вот теперь и пригодились те пулеметы, какие я раньше припрятал.

Теперь прямо смешно вспомнить, с каким оружием шли мы на полчища красных. Припоминаю один случай, врезавшийся в память на всю жизнь. Мое внимание привлекло то, что старик казак что то делал с вилами. Оказывается, он выпиливал крайние рожки и оставлял только средние, а на мой вопрос, зачем это он так делает, ответил:

— Ить не зручно их, анцихристов, колоть целыми вилами, а так, что ни есть в аккурат...

Все шли освобождать свою столицу от красной погани. Все это была простая казачья масса. Зигзагов не было видно, они где то отсиживались до лучших времен.

Командование отрядом принял на себя войсковой старшина Михаил Алексеевич Фетисов, который не мало поработал над подготовкой этого восстания, тихо и незаметно. Он оказался человеком распорядительным и толковым, что и сыграло не малую роль в том, что восстание не потерпело поражения в своем зародыш.

Большвики пронюхали о восстании, но были уверены, что у казаков никакого солидного оружия нет. Просчитались они тут, начав первыми наступать на станицу Кривянскую.

Наступавших ваньков мы подпустили совсем близко. Войсковой старшина Фетисов бегал по цепи и всем приказывал не стрелять. Свое наступление большевики начали с артиллерийского огня, но т. к. стрелки они не первоклассные, то их огонь не причинил нам никакого вреда. О себе же мы не давали знать, до тех пор, пока не подпустили на тысячу шагов, тогда и открыли пулеметный огонь. Небольшая дистанция между ими и нами позволила нам буквально косить их. Я сам сидел за пулеметом и первое, что было заметно после открытия пулеметного огня, что прислуга на батарее перебита, цепи стали убегать, на их плечах казаки и ворвались в Новочеркасск. Ничего они с собой не увезли. И артиллерию, и броневой автомобиль забрали восставшие. На броневой автомобиль вскочило три казака и хотели шашками прорубить верх, а броневик так и носился по полю, пока, наконец, не попал в болото и не остался в руках восставших.

Во время самой решительной минуты, когда красные уже стали уходить, на фланге показалась кавалерия, весьма смутившая восставших казаков. Но вот слышим подбадривающий голос Фетисова: не робей, станичники, это идут нам на помощь воставшие станицы Раздорская и Мелиховская. Сразу была видна распорядительность нашего начальника отряда — он уже успел установить связь с восставшими.

В тот же день можно было бы войти в Новочеркасск, но начальник отряда сделал более благоразумно, что остановился на ночлег под городом. Вечером был выработан план действий. Кавалерия была послана в обход на станицы Грушевскую и по пути разобрала железнодорожное полотно. В Грушевской с нетерпением ждали восставших, т. к. станица тоже уже восстала, ликвидировала всех комиссаров и только поджидала прихода других, чтобы вместе наступать на Новочеркасск.

На рассвете 1 апреля донская столица была атакована со всех сторон. Красные бежали на Ростов, бросая все. Жалко было, что не чем было заткнуть дорогу на Ростов, а то ни один бы не ушел.

Богатая добыча досталась казакам. Все было в два дня вывезено в станицы Заплавскую и Бесергеневскую, где помещался штаб восставшего отряда.

Казаки восстали, взяли свою столицу, проявили любовь к своему Дону Тихому, но зигзаги так и не появлялись. Они ждали, когда можно будет попробовать освобождать Россию и посадить там царя батюшку, — они не думали о спасении Казачества. Лучше было бы, если бы эти зигзаги вообще не появлялись, казаки сами дали бы себе лад и не переживали бы теперь той трагедии, которую, благодаря политике этих зигзаг, переживают...

Взяв Новочеркаск, восставшие казаки, численностью до тысячи человек, повели наступление по двум направлениям: на Александро - Грушевск и на Ростов. Приспособили одну платформу под «броневик». Однако, под сильным напором красных, успевших сосредоточиться здесь за последние два дня и поддержанных «углубителями революции» из Ростова, восставшие казаки вынуждены были отступить, оставить Новочеркасск и отойти в станицы Заплавскую и Бесергеневскую, где и оставались в течении трех недель, формируясь, готовясь к новому захвату Новочеркасска, все время отражая попытки красных ликвидировать казачье восстание.

Перед самым светлым Христовым Воскресеньем большевики повели на восставшие станицы яростное наступление, но все их попытки успеха не имели.

Дня за два до Пасхи в станицы пришел отряд степняков, под командой ген. Попова, тогдашнего Походного Атамана, и восставшие казаки вместе с ним двинулись на гор. Новочеркасск, который и взяли в первый день Светлого Христова Воскресения.

На этот раз казачья натура не знала удержу а гнала пришельцев с Донской земли, не зная устали.

Восстание разрасталось и мы, восставшие первыми, были оставлены в Новочеркасске, где в скором времени собрался Войсковой Круг, который избрал Войсковым Атаманом ген. Краснова.

Когда нам, расквартированным возле Краснокутской рощи, об'явили об избрании ген. Краснова Войсковым Атаманом, казаки страшно были поражены, как это Круг мог сделать такой опрометчивый шаг. Но делать было нечего, все ошибаются, ошиблись и наши отцы, выразив так свою волю, но их воля для нас была священна, как воля Державного Круга.

Как атаманствовал ген. Краснов, известно всем, и говорить здесь не стоит.

Прошлое ушло безвозвратно, впереди — будущее и нам о будущем только и следует теперь думать. Казаки в будущем не допустят тех ошибок, чтобы каждое Войско со своим Атаманом или что еще хуже, чтобы каждый Атаман вел самостоятельную политику. В будущем у казаков будет одна казачья политика, руководимая одним верховным Казачьим Атаманом. Только при таких условиях будет освобождено Казачество, возвращено на свой исторический вольный шлях и только при таких условиях будет создано единое государство Казакия.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

ПЯТНО НА КАРТИНЕ

Раннее весеннее утро. Солнце еще не взошло, но восток уже об'ят пламенем. Низины заполнены туманом, а от Урупа подымается пар. С горы, как на ладони, видна наша станица, растянувшаяся на семь верст, так как раздаться ей вширь не позволяют с востока горы, а с запада Уруп. С первого взгляда на месте станицы вы видите только сплошной сад. Потом, присмотревшись, находите станичную «площадь», в центре которой возвышается маленькая церковка, построенная еще нашими дедами, когда их «пригнали» сюда и поселили здесь. Она густо обсажена высокими пирамидальными тополями, под которыми на длинных скамейках отдыхают летом в перерыве между утренней и обедней только старики, так как молодым людям и бабам сидеть неприлично, а нам, ребятам, за это уши рвали. От «площади» тянутся две ленты, одна на юг, а другая на север. Это улица станицы. По ее сторонам чуть заметны скрывающиеся между деревьями хаты и другие постройки. Шагах в ста от станицы под горою кладбище, где мы таскали молодых щуров из провалившихся могил. Оно обсажено двумя рядами акаций. Это труд наших школяров.

Несмотря на ранний час, станица уже давно проснулась и жизнь в ней закипает. Казачки гонят в «череду» коров, выдоенных еще в потемках; навстречу им возвращаются с ночного подростки; с водопоя ведут лошадей и гонят быков; по дороге стучат колеса подвод; свиньи визжат, собаки лают, кочета надрываются от крику. Наступает трудовой день с его заботами и радостями.

В станице сады и кругом нее дикие яблони, груши, терновник и калина облиты белыми и розовыми цветами. Буки, дубы, чинары, ольхи и другие деревья покрыты молодыми ярко - зелеными листочками, очень вкусными на вид. В траве кажется собраны цветы со всего света. И все это, и деревья, и куты, и трава, усыпана капельками росы, что предвещает хороший день. В этот час насекомые еще спят, кроме неугомонных комаров или, как их по-новому стали называть, зем-гусары. Зато птицы подняли такой веселый и заразительный гам, так усердно стараются перекричать друг друга, что старый пасечник Савка Глушко, вышедши из своего шалаша, долго стоит молча, потом, улыбаясь, крестится и шепчет: «Всякое дыхание да хвалит Господа... Бач, звірина і та Богу молиться».

Старый Савка сказал правду: это вся природа славила и благодарила Бога за радость жизни. Каждый пернатый певец пел на своем языке, а кто только чиликал или каркал, зная, что Богу все наречия понятны.

Солнышко, помня, что все живое на земле с нетерпением ожидает его появления, торопится подняться из-за горы.

— Вот и я, сказало оно, ласково улыбаясь.

— Слава, слава! — загремело все хором, к которому присоединились ожившие пчелы, шмели, осы, бабочки, стрекозы, кузнечики, мушкара божьи коровки и многие другие. Даже ящерица смотрит на солнышко своими немигающими глазами, с открытым ртом, в котором шевелится ее откидной язычек. Дятел с такой энергией застучал по дереву, что кажется, будто где то близко стреляет пулемет. А кукушка даже перестаралась: бабуся Киселиха спросила ее, через сколько лет она, бабуся, а не кукушка, выйдет замуж, и получила в ответ семьдесят три «ку-ку». Бабуся только головой покачала. Жаворонок так высоко поднялся к небу, что если вы желаете увидеть его, то придерживайте шапку, чтоб она не свалилась въ траву, когда будете закидывать назад голову.

Уруп, разнежась, тихо, тихо плещется о крутые берега. А рыбешка в нем до того разыгралась, что выскакивает почти на аршин из воды. В тихих заводях, поросших нугою, лягушки тоже устроили свой концерт, слышный за десять верст. Хотя в нем участвует более сотни голосов и пели все без нот, но пение получалось очень стройное, хватающее за сердце и бьющее по ушам. Особенно выделялся необыкновенно сильный и высокий тенор на припеве «кум-кум-кум», когда басы томно аккомпонировали: «кр-ра! кр-ра-а! кра!», а дисканты и альты сыпали трель «ка-ка-ка-каквак!» Ласточка, прилетевшая за глиной для гнезда, сообщила им: «Косарики-косари на покосе траву косят, а бабы жарят им яи-и-чни-ицу!». Схватила комочек грязи и торопливо улетела, потому что время не ждет. О смерти никто не думает, только о жизни.

Солнышко подымается еще выше, чтобы всех обогреть и обласкать. Капли росы переливают всеми цветами радуги. А потом далеко по поднебесью, сколько глаз хватает, протянулась розовая скатерть. Это Кавказский хребет, покрытый вечными снегами. Скатерть постепенно белеет и к обеду исчезает.

Идете вы осторожно по траве между кустами, боясь раздавить какую-нибудь труженицу-букашку. Вас обдает роса и приятно бодрит. Нечаянно натыкаетесь на крепко уснувшего под пеньком зайчишку. Он с'ежился, положил длинные уши на спинку и, кажется, спит с открытыми глазами. Жаль его тревожить. Ведь он трудился всю ночь, разыскивая корм, и теперь отдыхает после трудов праведных. Но сон его чуток. Он вскакивает и скрывается в кустах. Становится досадно, что потревожен его сон...

Вдруг прокатился гром и запахло вонючим дымом. Мгновенно все смолкло и шарахнулось в стороны. Это наш Сашка-гармонист (он же и охотник) вышел «побаловаться». Гармонистов у нас хотя и приглашают на свадьбы, но считают людьми «нестоющими», так как они никаким делом не занимаются. Он выстрелил в лису, возвращающуюся домой к своим детям. Она ушла еще с вечера, бродила голодная всю ночь и только под утро Бог послал ей поживу. Сытая и счастливая она торопится в свою нору, где ожидают ее четыре маленьких лисенка, которые, кроме материнского молока, еще ничего не едят. Радуясь, что ее дети будут сыты, она прибавляет шагу. Уже до норы не далеко. Она внимательно оглядывается во все стороны, не заметил бы кто ее жилища и не похитил бы дорогих ей детей... Но что это? Ее что-то кольнуло в бок и оглушило. От испуга она сперва не почувствовала сильной боли и спешила добраться домой, думая только о детях.

Вот и нора. Проголодавшиеся малютки выползли наружу и встречают ее радостным урчаньем. Но, сколько их, она уже не может сосчитать, так как взор ее отуманен и кружится голова. Хочет она крикнуть детям: «Спасайтесь!» но, обессиленная и истекающая кровью, повалилась у входа норы. Голодные дети, не понимая, что охотник убил их мать ради «баловства», кинулись к ней. Умирающая мать, забыв свою смертельную рану, старалась приголубить их и нежно лизала каждого поочередно, прощаясь с ними навеки. В эти минуты думала она не о себе, а о детях, что они, бедные сироты, погибнут без любящей матери... «Боже, Боже, зачем меня убили? Зачем осиротили моих детей? Кто приголубит и вырастит их?» Тоска сжала материнское сердце...

Тут подоспел Сашка, очень довольный удачным выстрелом, и, видя, что она еще дышит, добил ее прикладм ружья. И полетела ее душа к Богу с жалобой на людскую жестокость.

Трое малышей успели спрятаться в нору, четвертого же он с трудом оторвал от материнской груди и бросил в мешок. В нору он набросал дымящихся головешек, чтобы «выкурить» их оттуда. Несчастные малютки жалобно пищали, зовя на помощь свою мать. Нет, не ждите ее. Она уже не придет и не защитит вас... И сгорели они живьем, чем страшно обозлили Сашку.

Сняв шкуру и засунув в нору труп недавно счастливой матери, он отправился в станицу, но не прямо домой, а с другого конца, чтобы все его видели. Каждому встречному он хвастался, как он метко выстрелил в лису, как нашел ее по кровавым следам у норы, как она бросилась на него, но он не струсил и задушил ее своими руками, как трое лисят спаслись в нору, но он их там сжег живьем, а четвертаго еле-еле поймал...

— Кто купит лисенка? Продам дешево!... Никто не покупает?... Придется и этого убить.

Подошедший добряк Фома Васильевич, чтобы спасти несчастнаго зверька от смерти, купил его у Сашки-гармониста...

Г. Фурса

19-7- 1935. Крезо.

КУБАНСЬКІ КОЗАЦЬКІ КАЗКИ ТА ПРИКАЗКИ

Пригадав та записав старий дід Омелько

Козацьким дітям на втіху,
На забаву й для сміху!

Як я колись на небо лазив.

(Казка - нісенітниця).

Як був я у батька маленьким, а в матері підріс, так усе було їздю за дровами у ліс. Приїхав раз у ліс, аж там дерево, я до того дерева, а в йому дірка, а з дирки кувікають печені поросята. Я дуже зрадів, бо голодний був. Стромляю у дірку руку — не лізе; стромляю ногу — не лізе, так я узяв та увесь ускочив. Наївся поросятини, став вилазить, аж ні — не вилізу: мабуть дуже поросятини обрепкався. Що тут робить? Чи плакать, чи тужить? Думав я, думав, голову чухав, чухав, та насилу догадався: збігав додому за сокирою, прорубав дірку та й виліз. Увійшов у ліс, роздивився добре, аж там трапилось лихо, та не мале, а велике: вовки на кобилу напали, та усе пузо їй розірвали, так що й кишки до землі висять. От халепа та й годі! Прив'язав я до дерева кобильчину, виломав з верби лозину, та й заходився ті кишки збірать, та кобилі лозиною пузо зашивать. Шию, зашиваю, на всі боки поглядаю, а й не туди-то, що та лозина прийнялася, та угору рости узялася: росте та й росте, та уже й до неба достає. От диво, так диво: ніколи такого не бачив! Стою я, дивуюсь, а далі й думаю: а давай полізу на небо, бо зроду там не був. Сказано — зроблено, учепився я за лозину, узяв та й поліз. Лізу та й лізу, ось уже й небо недалечко, коли де не взявся батько мій покійник, із-за хмари виглядає, та мене й питає:

— Це ти, Грицько?

— А то ж хіба хто?

— На небо лізеш?

— А то ж хіба що?

— Так хіба й ти уже вмер?

— Та ні, — кажу, — хай Бог милує, — я ще живий!

А батько тоді чогось на мене розсердився, та як крикне:

— Так чого ж ти, каже, хамлет, з грішною пикою та лізеш у святе місто!

Та тоді узяв та й турнув мене з верби додолу. Та тільки ж я не дурний був, бо як падав униз, так усе ногами дригав, та якраз і зачепився за невеличку хмару, а з тієї хмари ось і до землі недалечко. «Ну, думаю, слава тобі, Господи! Цур йому, тому небові, дай, Боже пожить на землі іще хоть трошки!» Бачу я, що на землі люде пшеницю віють, а полова прямо до мене летить; так я зачав ту полову хватать, та бичовку сукать, забив кілок у хмару, прив'язав бичовку, та й давай на землю спускаться. Спускаюсь та й спускаюсь, уже й до землі недалечко, аж тут бичовки й не хватило. Що його в світі робитимеш, коли й полови більше немає? Подумав я, подумав, та зразу й догадався: полізу, зверху одріжу, а внизу доточу, зверху одріжу, а внизу дотопу, та все до землі ближче та й ближче. Так знову біда: дійшло до того, що уже й різать нічого, а до землі ще далеко. Ну, та я й тут не злякався, а так добре напьявся, що зовсім од хмари одірвався; а вітер на моє щастя був такий великий, що мене понесло, понесло та в лісі за високе дерево і зачепило. Спустився я на землю, коли бачу, ось і кобила моя стоїть привьязана до дерева, а лозина, що на небо лазив, усохла. Сів я верхи на кобилу, засунув іззаду за пояс сокиру, та й поїхав додому. Іду та іду. Кобила трюх-трюх, а сокира їй ззаду цюк-цюк; цюкала помалу та й цюкала, поки одрубала у кобили задок, а я й не туди-то! Приїзжаю додому, аж задка й нема. Що за диковина, де він дівався? Пішов я по степу блукать, задок той шукать, та насилу найшов його аж під лісом: ходе собі, пасеться, і горя йому мало! Піймав я його, занузадв,

сів верхи та й приїхав до дому. Пришив я той задок до передка, дивлюсь, наче й кобила, як кобила, а тільки щось не горазд. Ну, думаю, коли ж так, то одведу я кобилу на ярмарку, та проміняю на другу. Чи так, то й так, чи гаразд, то й добре. Приїзжаю на ярмарок та й питаю:

— А що тут, добрі люде, по чому?

А мені й кажуть:

— Пшениця по міркам, тютюн по ріжкам, товар по грошах, а гроші по кешенях.

— Та я не про те вас питаю!

— А чего ж тобі треба?

— Скажіть мені: що дешево і що дорого?

— Є, так би ти й зразу питав! Кажуть, за морем дешеві корови, а дорогі мухи; за муху з мушенятком дають корову з телятком, а зашершнів та оводів дають цілих бугаїв.

Як почув я про те, так дуже зрадів, бо у мене той рік повнісінька хата мух була, а море ж у нас недалечко, — біля самої станиці. Вернувсь я мерщій додому, наловив цілий мішок мух, та й гайда до моря. А погода трапилась тоді тиха та гарна, а море було рівне та ясне, як те дзеркало. Кинув я той мішок мух у воду, сів верхи та й переплив через море. Наміяв я за ті мухи худоби аж три череди, та й не знаю, що далі робить: як з товаром переплисти через море. Як нанять для перевозу байдаки, так дорого візьмуть, а пустить скотину плисти у брод, — багато потоне. Думав я, думав; голову чухав-чухав, та на цей раз нічого путнього не видумав. Розсердився я на таку незгоду, піймав одну корову за хвіст, розмахав кругом голови, та як кину, так вона сердешна і не вчулась, як перелетіла через море. Перекидав я отак за три дні усю худобу, остався один бугай — самий найбільший. Ухватив я його за хвіст, обкрутив тричі кругом руки, а тоді як кину, так умісті з бугаєм і сам перелетів через море. Почуяв я тут од людей, що на небі люде босі ходять, та й думаю: повезу я на небо шкури продавать, бо дорогу туда добре знаю, а товар мені не куповать. Перебив я усю худобу, поздирав з неї шкури, та й поліз з ними на небо. Ліз, ліз, та не потрапив на небо, а попав на піднебеніє. Роздивився я, та распитався з людьми, аж воно й тут мій товар якраз під стать. Спродався я за кілька днів, наторгував мішок грошей, та треба вже й додому поспішать. Ну, та воно на небо було не трудно лізти, а як назад вертаться? Зосталось у мене з десяток добрих шкур, так я порізав їх на ремінь, забив кілок у небо, тай давай по тому ремені спускаться на землю. Усе було б горазд, та видно недобре забив я кілок у небо, от він і виприснув. Полетів я сторч униз, об хмару спіткнувся, разів із сотню перевернувся, був об землю убився, як би на той світ не провалився. А там сидять царь і цариця, та пьють горілочку з барильця. Барильце — буль, буль, буль, а хто оцю казку слухає, тому сім дуль.

Маленька Наталка.

— А я свині гоню.
— Ото й добре, що гониш! А чія ж ти?
— Наша.
— А хата ж де ваша?
— А там — дома.
— А батька ж твого як звуть?
— Татко.
— А матір як звуть?
— Мамка.
— А тебе ж як?
— Наталка.

Глухий.

— Здоров був!
— Хлів плету.
— Та Боже поможи!
— На свині.
— Хай вони тобі подохнуть!
— Спасибі.

Дід Омелько

Думы и мысли

Сергій Савицький.

РУСЬКИЙ КОЗАК

Ви хочете мене з ярма звільнити...
Щоб, руський я козак, покинув пана?!
О, ні: йому лише буду служити,
Йому моя покора і пошана!

Мені солодка є його батура.
Коли мене він б'є, мов худобину
(Така у мого пана є натура),
Я не тікаю, — підставляю спину.

За мого пана я піду і в воду, —
Не тільки в воду, і в огонь пекучий...
Як вірний пес (не зганблю свого роду!),
Я навіть кинуся за пана з кручі.

Коли мій пан дає гостям бенкети, —
І я буваю там (хоч під стіною!).
Навприсядки літаю по паркеті,
Як пан кивне до мене головою.

За те мені пан чарку наливає...
Який же я тоді буваю радий!
Та так йому ще пісню заспіваю,
Що аж вапно летить зі стін палати.

Моє життя без пана буде... пустка!
О, бідний буду я на волі, — знаю...
Я — панова шовкова біла хустка,
Якою ніс він зчаста витирає...

25-3-1934.

ДО «РУСЬКОГО» КОЗАКА

Невільний козаче, і доки ти будеш
В кацапського пана рабом в чужині?
Колиж свою душу і серце розбудиш
Й вогнем запалає повстать до борні?
Невже ти забув про степі і станиці?
Невже ти не чуєш голодніх братів
Що голосно кличуть прийти з-за гряниці
Спасти їх... від кого? — Від руських катів...
Ти чуєш, я знаю, той відгук роспуки,
Зубами скригочет від люті на тих,
Що в рідну станицю злетілись, мов круки,
І шарпають тіло братів ще живих...

. . . . . .

Як сам не піднімеш за вільність прапора,
Тебе поведуть на заріз, мов вола.
Живе в тобі рабська, мій друже, покора;
Душа твоя цвіллю в ярмі зацвіла.
На волі — о, сором! — живеш ти в неволі:
Невільник не визволить брата з ярма!..
За вільність козацьку шумять вже прапори.
Тебе там, під ними, козаче, нема...
А скоро заграє до бою сурма!
За когож ти будеш до бою ставати?
Подумай, за кого: за Русь, за царя
Тоді, як кацапи сидять в твоїй хаті
Й над цілим Казацтвом повисла петля?
За Русь чи Кацапію йде хай, хто хоче,
А вільний козак полетить у степи,
Де з брата там ворог козацьку кров точе,
А з жил його лапті плетуть кацапи.

В СТАНЕ РУССКИХ КАЗАКОВ

(Самозванная комиссия и ее фундамент)

18 ноября 1934 года казачья руссофильская старшина под председательством ген. **Краснова** на своем частном совещании в Курбевуа стремясь, какой угодно ценой навязать донцам в «эмигрантские атаманы» желаемое для себя лицо, пыталась учинить еще раз обходное движение казачьей массы.

На этом частном совещании, без участия казачьей массы, «русские казаки» по указанию и предписанию ген. Краснова учредили и комиссию по выборам атамана.

Создатель «комиссии» ген. Краснов через несколько дней уничтожает ее и назначает новую из четырех человек. Остатки первой комиссии с некоторыми «сановными» участниками совещания в Курбевуа оказались в очень непривлекательном положении и только это заставило их несколько снизойти к казачьей массе. С этой именно целью и прикрываясь фирмой «Лиги Воз. Каз-ва», устраивают они вылазку за казачьей массой и 9 декабря созывают собрание. (См. «П. Н.» № 5007 от 8 дек. 1934 г. заметка под заглавием «Лига В. Казачества»).

На этом собрании, стремясь расположить к себе казачью массу для того, чтобы подвести «фундамент» под свою комиссию, **г. Бояринов** читает доклад почти в самостийном духе, называя «элитой» своего почитателя и творителя комиссии.

Попутно, обращая внимание простого казака на «обходное движение» старшины, можно заметить, что «русские казаки» в своем «обходном движении» имеют склонность прикрываться и самостийностью. Можно встретить и подтверждение этому в газете «Казачье Дело» № 8, где помещен доклад Бояринова.

После этого доклада собрание носило скорее жалобный, чем бурный характер. **Г. Карев**, как один из членов комиссии, в присутствии других членов и секретаря ее делая доклад о ходе работы комиссии, признался в самозванном ее возникновении и сказал: «среди очень ценных и важных присутствовавших на собрании в Курбевуа не было казачьей массы»... Признавшись, добавил и о результатах работы комиссии: «Результаты комиссии плачевны». (См. также и газету «К. Д.» № 9 за февраль 1935 г.).

Пишущий настоящие строки, как имевший возможность наблюдать за ходом собраний вынужден подчеркнуть другое «обходное движение», с другой стороны, направленное со стороны некоторых казачьих руководителей общероссов респ.-дем. толка, о чем можно было прочитать в газ. «Возрождение» под заголовком «Перед выборами Атамана»: «Деловое совещание, созываемое **Н. М. Мельниковым** по вопросам, связанным с выборами атамана донской эмиграции, состоится в воскресенье 30 декабря, в 15 час., в союзе Галлиполийцев, 81, рю де ля Фезандери» («Воз.» № 3495).

Если 9 декабря г. Карев признался, что в Курбевуа не было казачьей массы и что результаты комиссии плачевны, то г. Мельников на своем совещании по поводу работы комиссии сказал: «Были моменты, когда комиссия сама себя уничтожала».

По поводу возникновения той же комиссии, Н. М. Мельников, отвечая ген. Краснову, пишет следующее: «Комиссия 18 ноября с самого начала не имела под собой твердой почвы: 1) собрание, ее породившее, было созвано, как частное совещание, 2) члены комиссии совещанием не баллотировались, благодаря чему в ее составе оказались лица, против присутствия которых протестовали потом сами члены комиссии»... (См. «П. Н. № 5048 от 18 янв. 1935 г.).

«Острие» выступления г. Мельникова было направлено против проф. **Маркова.** Н. М. Мельников на совещании, в присутствии всех собравшихся, в адрес г. Маркова сказал следующее: «Он из советской России выехал как чиновник, как советский служащий».

Признания г. Карева (газ. «К. Д.» № 9) с одной стороны и признания Н. М. Мельникова в русской газете «П. Н.» — с другой, тоже свидетельствуют, что в возникновении комиссии отсутствовала казачья масса.

Казаки «общероссы», очутились без казачьей массы, устраивая собрания 9 и 30 декабря искали казачьей подпорки своей самозванной комиссии для того, чтобы «подвести под нее самое солидный фундамент» (см. «П. Н.» № 5048), чтобы потом, за последствия работы комиссии по выборам, взвалить ответственность именно на казачью массу.

Казачья масса, однако не пришла на собрание в помещение галлиполийцев (пришедших рядовых казаков можно было по пальцам перечесть) и единонеделимцы вынуждены были избрать комиссию из своей среды (см. «П. Н.» № 5038 от 8 января 1935 г.). Собрание г. Мельникова в галлиполийском помещении закончилось тем, что г. Карев, выдвигая кандидатуру графа Граббе, пел последнему дифирамбы. В какой «дозе» он пел, можно встретить в газ. «Возрождение» № 3510 под заголовком «Кандидат в донские атаманы», где граф Граббе возводится в родство даже Разина. Подобные дифирамбы, с некоторыми изменениями, имеются и в газ. «Каз. Д.» № 8 под заголовком «Наши кандидаты в атаманы», под псевдонимом «Лигист».

Касаясь работы комиссии, натыкаешься на некоторые неувязки. Напр. газ. «П. Н.», между прочим, отмечает: «Не все голоса, однако, признаны действительными. Во многих случаях в голосовании принимали участие казаки, моложе 21 года, в некоторых случаях избирательные биллютени прибыли в Париж после 30 июня — эти голоса, согласно «инструкции о выборах», из'яты из учета. Они зато послужат важным материалом для производства переписи» («П. Н.» № 5229 от 18 июня 1935 г.). Эта «метрическая запись» должна послужить уроком на будущее для тех наивных, которые имели слабость принять участие в выборах, руководимых комиссией «безоговорочного подчинения», для того, чтобы послужить «важным материалом для производства переписи». Надо всегда в деле обращать внимание на первоисточник работы, а в данном случае первоисточником является сама комиссия. Вне всяких сомнений, надо было ожидать и таковых результатов выборов. В будущем каждый простой казак должен это знать и безусловно понимать тем более, что сейчас на горизонте казачьего неделимчества появилось «производство переписи», а поэтому, кто казак душой и сердцем, тот не позволит состоять в списках «петроградского казака» гр. Граббе.

Обращаясь к работе комиссии, частично коснемся контрольной комиссии. Центральная комиссия не сочла нужным запросить, а контрольная комиссия проверить существующие организации и их состав. В некоторых местах в выборах доминировала «инструкция о выборах» для голосовавших, в то же время в иных местах в выборах принимали участие подлинные русские, как например, в Курбевуа голосовал вел. князь Борис Владимирович Романов («П. Н.» № 5177 от 27 мая 1935 г.), а в Сербии Кутырины, в Болгарии Ясевичи...

Некоторые члены контрольной комиссии совсем не принимали участия в работе, как например ген. Долгопятов, а г. Зенков «вышел из состава контрольной комиссии» («Воз.» № 5225). Представитель главной комиссии во время работ этой комиссии отсутствовал, но обещал доверчивым участникам в выборах подсчет голосов опубликовать: «Общий подсчет голосов по протоколам всех соединенных заседаний двух комиссий будет закончен на днях и опубликован во всеобщее сведение. Председатель главной комиссии Ив. Ефремов» («Воз.» № 5225 отъ 14 июля 1935 год.).

«На-днях» председатели комиссии, вероятно, усовестились опубликовать общий подсчет голосов по протоколам «во всеобщее сведение», как они обещали, но на-днях можно было, за подписью председателя главной комиссии Ив. Ефремова и председателя контрольной комиссии Мазанкина, прочитать другое: ...«соединенное заседание главной центральной и кон-

трольной комиссий, происходившее 20 июля, постановило сообщить, что большинство голосов подано за гр. Граббе (см. «П. Н.» № 5324 от 23 июля 1935 г.).

Целых восемь месяцев русские казаки провозились с выборами и эта возня закончилась тем, что руководители русских казаков оказались не в состоянии опубликовать то, что обещали опубликовать, а вынуждены ограничиться простым сообщением, «что большинство голосов подано».

Это лучшее доказательство того, что казаки общероссы и в мирной гражданской жизни не способны на казачье дело, не говоря уже о военной обстановке.

Следя за выборами, очень легко заметить, что: 1) казачья старшина потратила, с 18 ноября по 30 декабря, целых полтора месяца на создание комиссии; 2) работа комиссии протекала с «особыми явлениями» и 3) подсчет голосовавших за того или иного кандидата и общий подсчет, принявших участие в выборах, комиссия «дипломатически» уклонилась об'явить во всеобщее сведение».

Короче говоря, не смотря на помощь русской прессы, казаки общероссы оказались беспомощными во всех проявлениях своего «обходного движения», направленного против казачьей массы.

Разбирая деяние казачьей старшины, необходимо вооружиться терпением, надо идти по стопам русской прессы, ибо она «хранительница» всех бед и проявлений, направленных против казачьей массы (не в ее интересах сказать казакам истину). В зависимости от обстановки, иногда со стороны этой прессы просвечивает даже тонкая ирония по адресу казаков общероссов.

Эта ядовитая ирония замечена неоднократно. очевидно, казачья старшина неспособна уяснить ее, а поэтому я вынужден об'яснить и пояснить примером.

В газ. «Пос. Нов.» от 18 июля автор статьи под заголовком «Выборы донского атамана», прикрывая своей «восьмидесятипроцентной дипломатией» ход выборов и «на месте весьма близком», в то же время говорит по адресу казаков общероссов: «Донцов никто не переписывал, и сколько их проживает за-границей, никто в точности не знает. Принято считать «на глаз», что их около 10.000. Если цифра эта верна, то в выборах атамана приняло участие около 80 процентов зарубежного казачьего населения». По понятиям автора, скрывавшегося за инициалом «В», «процент очень велик» принявших участие в выборах. (См. «П. Н.» № 5229).

Бедный Н. М. Мельников, сколько он потрудился в защиту единой «России» на посту Пр-ля Донского П-ва и на посту Пр-ля Каз. Союза и неблагодарные сыны его же подвели: «Донцов никто не переписывал»...

Вторая газ. «Возрождение» от 19 июля, раскрывая «дипломатию» и восьмидесятипроцентные скобки газ. «П. Н.» «во всеобщее сведение» об'являет то, что обязаны были официально об'явить соединенные комиссии по выборам от себя об'являет: «Вчера главная комиссия по выборам Донского атамана, совместно с главной контрольной комиссией закончила подсчет голосов. Голосовало свыше 5.000 человек. «Газета от себя добавляет, что «избранным», как она предполагала «оказался» гр. Граббе (См. «Возр.» № 3698).

Теперь остается добавить, как приложение к паспорту уроженца Стрельны (См. «П. Н.» № 5231) гр. Граббе. В прошлом, а именно в 1917 году, когда Тихий Дон впервые заговорил о воле волюшке, не признав гр. Граббе Атаманом, предложил ему ретироваться во свояси... «на север» (См. кн. Донск. Лет. № 2, стр. 78-81). Здесь, за границей, граф, на русском зарубежном с'езде, наряду с ген. Красновым, г. Каревым и г. Бояриновым, требовал от Казачества безоговорочного подчинения вел. князю Николаю Николаевичу, что даже вынудило ген. Богаевского, «во избежание недоразумений», сказать графу следующее: ...«именоваться там представителем казаков монархистов, а не Казачества вообще, ибо такое участие в деле не принимает» (См. Сводку каз. союза № 2, стр. 59 и список участников заруб. с'езда газ. «Возр.» № 314 от 1926 г.).

В прошлом Дон приказал графу убираться «на север», а в эмиграции, «во избежании недоразумений», гр. Граббе именовался «представителем казаков монархистов» и ныне граф свою безоговорочность и свой монархизм подтверждает. Вот, его слова и подтверждения, произнесенные в день «облечения»: «Мое отношение к Российской проблеме остается неизменным» (См. «Возрожд.» № 3715 от 5 авг. 1935 г.).

Следовательно, гр. Граббе свою сотню казаков и тех. кто принимал участие в выборах, «поведет» к «безоговорочному подчинению»... Он сам это подчеркивает: «Я буду продолжать служить казачеству, как делал это всю жизнь» (А что же он делал всю жизнь?).

Имея сведения казаков вообще находящихся в эмиграции, в пределах одной Европы и в частности о донцах. увидим, что всех голосовавших донцов не 80 и не 50 процентов, а можно будет признать за 25 и максимум за 30 процентов, в том числе исчисляя убыль за 15 лет эмиграции.

Статистические данные. Крымская эвакуация: 1) Донцов в армии 22.000, а) гражданского населения 6515; 2) Кубанцев 16.000; 3). Терцев 7485; 4) остальных каз. Войск. 2.000; 5) Бредовский отряд и перешедшие в Польшу 5.000 6) Остатки Новороссийской эвакуации 4.000. Итого 63.000 казаков. (Осн. книга «Казаки в Чаталдже и на Лемносе» 1921-1922 г.г.).

Теперь оставим казакам общероссам и членам соединенных комиссий по выборам произвести простые арифметические действия. Произведя эти действия увидим, что из общего числа голосовавших гр. Граббе не имеет большинства голосов.

Неделимцы, во главе с г.г. Каревым и Бояриновым своей «работой» ничего не изменили и поэтому граф Граббе остается всего навсего «представителем казаков монархистов».

Сопоставляя все и подходя к конечным деяниям русских казаков, по терминологии русской газеты «Пос. Нов.» «церемония облечения графа», невольно натыкаешься на противоречия руководителей общероссов. После восьмимесячной избирательной компании и слабых результатов, перед русскими казаками предстала новая работа: «церемония облечения графа». Для подготовки облечительной работы потребовалась новая комиссия из тех же лиц в составе: Г. И. Карева, ген. И. Н. Оприца, С. Д. Позднышева и Н. И. Тарарина» (П. Н.» № 5323).

Избегая голословия, облечение графа буду передавать на основании русской прессы. Русская газета «Пос. Нов.», говоря о присяге графа, передает так: «Приняв икону, гр. М. Н. Граббе поднимает высоко правую руку и громко произносит слова атаманской присяги, клянясь «честью донского казака исполнять основные законы Войска» (См. «Пос. Нов.» № 5274 от 5 авг. 1935 г.).

После клятвы «исполнять» и той середины, где «грянул Донской гимн» под сенью казачьего национального флага, граф заявил, что он является «первым слугой Войска». Сказав «я позову вас», Граббе произносил обратное и к этому призывал казаков: ...«всем сердцем желаю освобождения от большевиков, разрушающих нашу родину Россию». И дальше: «Я буду продолжать служить Казачеству, как делал это всю жизнь. Мое отношение к российской проблеме остается неизменным» («Возр.» № 3715 от 5 авг. 1935 г.). Итак, присяга одному, а призыв служить — другому.

Все ясно, понятно и пояснения излишни. Но для тех, которые выдвигали графа, и для тех, кто голосовал за него, необходимо пояснить. «Приняв икону» Граббе клялся, под сенью казачьего национального флага и под исполнение казачьего национального гимна «исполнять Основные Законы Войска», которое, согласно Основных Законов — самостоятельное Государство.

Вспоминая о другой родине, о которой, согласно присяге, данной графом, Граббе не имел права, а тем

более призывать казаков на измену своему казачьему суверенитету и не уместно напоминать о роли безбожников разрушающих, когда сам Граббе оказался в роли клятвопреступника, разрушающего то, чему только что присягал служить.

Если клятвопреступник граф открыто вспомнил «Россию» и заявил о российской преблеме, то подобной же проблемой руководствовались центральная и контрольная комиссии, но под маской «пламенной любви к под'яремной родине». Старшинская комиссия, не желая нести ответственность перед казачьей историей за свою пламенную любовь к под'яремной родине, благодаря которой Казачество оказалось «в тяжелых условиях материального и правового положения», позволили обращаться к графу с грамотой от имени Казачества, якобы, оно просило Граббе быть хранителем «живых сил Казачества»: «Казачество пребывая на чужбине в тяжелых условиях материального и правового положения, просит Вас принять все меры к обеспечению его жизни и к сохранению живых сил казачества».

Попытки комиссии «свалить» ответственность в своей вертуозной грамоте на Казачество и затушевать все свои деяния и работу русских казаков вековыми традициями Вольного Казачества — чистейшая провокация со стороны комиссии: ...«мы в полном соответствии с желаниями всего Казачества, заповедуем Вам свято и нерушимо хранить древнюю немеркнущую славу отцов наших, честь Тихого Дона и вековые традиции Вольного Казачества» (См. «Воз. № 3715 текст «грамоты»).

Некролог.

Не смотря на то, что комиссия закрыла двери вековым традициям, г. Мельников, как один из немногих приветствовавших Граббе, в своей речи приоткрыл немного двери к истине, заявив: «Только четвертая часть Казачества участвует в общественной жизни. И теперь возможен откол некоторой части»...

Ив. Скобелин.

Казачья эмиграция

В. К. в Югославии

ПОДЛОСТЬ И КЛЕВЕТА

В Кавказском казаке за май и июнь с. г. помещен приговор казаков из Н. Сада под заголовком «Восстановление Куб. Чепигинской станицы в Н. Саду.

Мы, нижеподписавшиеся, как упомянутые в том приговоре, постараемся осветить истинную причину появления такого приговора.

У нас в Югославии есть казачок Начкубштаба, известный всем полковник, который еще с 1932 г. ведет усиленную борьбу по уничтожению в Н. Саду волько-каз. Кубанской станицы имени З. Чепиги. Действия свои он ведет не открыто, а через подставных лиц.

Первое такое выступление в лице известного Протопопова закончилось судом и тюрьмой для последнего.

Не падая духом, г. Соломахин избирает себе для той же цели члена нашей станицы г. М. Болгова, приписного казака из мужиков Воронежской губ.

М. Болгов при помощи А. Протопопова и совместно с казаками И. Карпенко, А. Руденко, Л. Ильяшом, И. Безладновым, А. Кошельником и Б. Соколовым (иногородний) на сходах делали не приличествующие порядочному казаку безобразия, нанося членам правления станицы грубые оскорбления. После двух таких сходов упомянутые казаки, не достигнув возложенного на них поручения, были исключены из семьи казаков националистов.

На вечере встречи нового 1935 г. М. Болгов, для храбрости напившись, вздумал спровоцировать казаков националистов, для чего угрожал вызвать полицию и разогнать их. За эти его попытки он был удален из гостиницы.

После небольшого промежутка времени он опять пришел, но уже в сопровождении казаков И. Карпенко, А. Кошельника, Ф. Кошкина и Б. Соколова. Заняв соседнюю комнату, пришедшие готовились устроить драку, для чего специально переоделись в старые костюмы.

Вторично в. казаки честью попросили удалиться непрошенных гостей, но уже со скандалом для храбрых вояк, ибо, толпясь в дверях, при спешном уходе, некоторые из них оступились на ступеньках и попадали друг на друга в глубокий снег. Не видя, кто на ком лежит, и думая, что их бьют, барахтаясь в снегу, начали избивать друг друга. В это время подошел полицейский патруль и, видя драку, употребил для успокоения нарушавших ночное спокойствие жителей резиновые палки...

На этом, казалось бы, и должны были закончиться все попытки разрушить дружную спайку казаков националистов. Но, однако, не успокоился главный закулисный противник наш. При помощи тех же г.г. А. Протопопова и М. Болгова 19 мая с. г. были собраны казаки, которые выбрали правление и присвоили себе имя нашей Кубанской имени З. Чепиги станицы.

Только г. Соломахин мог додуматься до такого абсурда, чтобы организацию, имеющую свою твердую политическую идею, «восстановить» в безпартийную и «подчинить себе», не получивши от нее печати, денег и канцелярии.

Что касается содержания самого приговора, то он сплошь состоит из клеветы и неправды.

1. Неправда, что 57 казаков Чепигинской станицы были 19 мая с. г. на сборе. Там были почти все кубанцы легитимной и безличной станиц. Последняя, возглавляемая г. А. Протопоповым, безличная потому, что ея атаман исключен из русских организаций и не принят в казачью национальную. Участвовали там и болтающиеся одиночки, ищущие удобного случая выпить «на шармака», и часть исключенных из нашей Чепигинской станицы. Последние почти все вошли в состав избранного на этом сходе правления и фактически и составляют новую «беспартийную» станицу, ибо легитимисты и безличники остались и по прежнему в своих организаций. На предложение донцов исключить из их станицы кубанцев, вошедших в новую, г. М. Протопопов ответил, что «мы, казаки, должны помогать друг другу»...

Нужно знать способности И. Карпенка, чтобы поверить его наглой клевете. Казак этот не умеет говорить по русски и не научился по сербски. Когда о чем либо говорит, то коверкает и мешает русские и сербские слова настолько, что не только слушающие его не понимают, но он и сам себя не понимает, причем за каждым своим словом он произносит не меньше трех нецензурных.

2. Покойный П. Попов был похоронен вполне по православному обряду православным сербским священником. Между тем слова казака И. Карпенко, что покойный погребен недостойно и позорно для Казачь-

Imp. « Coopérative Etoile » 17, rue de la Comète, Paris - VIIe La Gérante: A. Laizé.

ей чести, не есть ли упрек в печати духовенству, а следовательно и самой державе, узаконившей обряд погребения?

3. Больному казаку В. Цокору была частно оказана денежная и другая помощь П. Недбаевским, которого предложение лечь в больницу было больным отклонено. Была выдана денежная помощь и от вольно-каз. станицы. Затем П. Недбаевский выхлопотал В. Цокуру бесплатное пользование лекарством, а главное — бесплатное лечение в больнице, но лечь в таковую больной вторично отказался.

4. Клевещет и казак А. Кошельник. Сбор вольно-каз. станицы собирался несколько раз, а перед его исключением в последнем месяце сбор был два раза. Тогда предлагалось не только комиссии, а и всему сходу проверить станичные суммы, но все бунтовщики, в числе коих был и А. Кошельник, во главе с М. Болговым, руганью и угрозами драки не давали возможности даже и разговаривать с ними (которые, к слову сказать, вообще не платили членских взносов).

Вот эта ложь г.г. И. Карпенко и А. Кошельника действительно недостойна и позорна для чести казака.

Мы не понимаем, как это вы, беспартийцы, додумались до того, что нас, казаков националистов, исключили из существующей нашей же станицы, а имя ее присвоили своей!

Чудны ваши дела, беспартийцы.

Мы, казаки националисты, гордимся тем, что мы политиканы и, благодаря этому, ясно разбираемся не только в политике вообще, но и во всем нас окружающем, а не так как вы, беспартийцы, которых, как слепцов, всегда кто нибудь за нос водит.

Да, нам, казакам националистам, беспартийный хлам и не нужен. Напрасно вы о себе, как о таковом, оповещаете и других. Раз мы вас исключили из своей среды, то это и значит, что мы не желаем с вами ничего общего иметь.

Не обошлось при составлении такого приговора и без самохвальства А. Протопопова, который, не слыша себе похвалы от других, превознес устами подписавших сам себя до небес, а «политикана» П. Недбаевского не забыл опять лягнуть копытцем.

П. Недбаевский,
Г. Голобородько.

5.-7.-1935.

Украинская Книжная Агентура в Париже

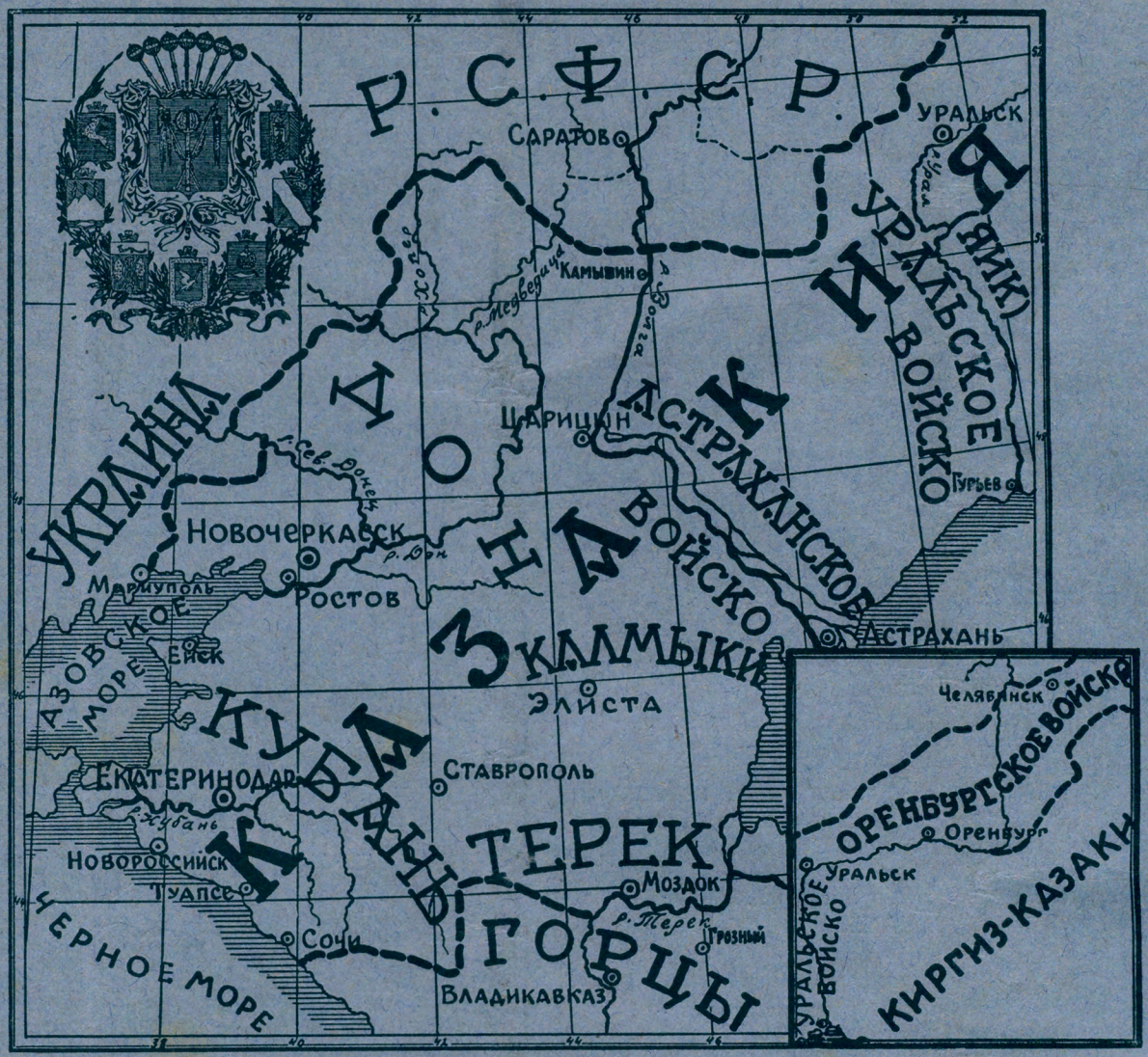
под руководством I. ХМЕЛЮКА

предлагает Гг. читателям «Вольного Казачества» книги по казачьему вопросу.

Условия приобретения книг: только за наличные при заказе плюс 10% стоимости заказа на перес. Заказы направлять по адресу редакции журнала

«ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО»
10, *Rue Victorien Sardou. Paris* (16).
FRANCE.

	Фр.
Авдеев П. Историч. записка об Оренбургск. казачьем войске 1873 г. Оренбург. 1904. 182 стр.	15
Байер. С. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего гор. до возвращения его под рос. державу. Пер. с нем. 1738 г. 284 стр.	40
Беляевский кап. Донския гирла: гидрографическое изсл. 5 планов. 1872. 192 стр.	65
Бирюков И. полк. История Астраханского казач. войска с илл. 3 тома	200
Броневский В. История Войска Донского. 1834. 4 части в 3 томах	75
Бородин Н. Уральское казачье войско. Статист. описание. 10 карт. 118 стр.	45
Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историч. моногр. Рис. на отд. лл. карта. 1897. 1120 стр.	125
Витевский И. И. Неплюев, организатор Оренб. края. Казань. 1894. 28 стр.	7
Галкин. Этнографич. матерьялы по Средней Азии и Оренбургскому краю СПБ. 1867. 250 стр.	20
Головачев. Черноморско - кавказское побережье 1903. 24 стр.	5
Грот Я. Материялы для истории Пугачевского бунта. 1875. 144 стр.	10
Дебу И. О кавказской лини и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказ. линию и о соседних горских народах 1816-1826. СПБ. 1829. 698 стр.	28
Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургск. губ. в нынешнем его состоянии. Москва. 1837. 224 стр.	18
Дмитренко. Опись казачьих дел Москов. отд. арх. гл. штаба. 1899.	40
Дмитренко. Сборник историч. мат. по истории Кубанск. каз. войска 1737-1801. 1896. 3 тома	75
Дмитриев - Мамонтов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Очерк по док. генерала Деколонга. 1898. 256 стр.	20
Дмитриев - Мамонтов. Пугачевщина в Сибири. 29 иллюстр. на отд. лл. 1907. 256 стр.	20
Донцы XIX века. Биографии донских деятелей на военн., гражд., обществ., в области искусства. 78 портр. в тексте. 1907. 472 стр.	25
Дубровин. Пугачев и его сообщники, по неизданным источникам. 1 карта. 1884. 3 тома	125
Донския дела. Переписка Войска донск. с московским гос. в XV в. т. 2-й. 1906. 124 стр. и 1112 столбца.	55
Донские дела. Переписка Войска донск. т. 4-й. 1913. 1013 столбца.	55
Ермолов А. Ал. Петр. Ермолов (1777-1861). Биограф. очерк. Порт., рис. 1912. 207 стр.	30
Ермолов А. Материялы для биографии собранные М. Погодиным. 1864. 452 стр.	32
Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургск. края с 1246 по 1832 г. Н. 78 стр.	8
Завалишин. Описание Западн. Сибири. 1862-76. 3 тома. 835 стр.	40
Заговский. Организация управления Новоросс. края при Потемкине в 1777-1891 гг. 1913. 33 стр.	3
Записки Рост. на Дону О-ва историч. древностей природы. Т. 1-й Иллюст. 1912. 295 стр.	50
Иверсен. Медали пожалованныя имп. Екатериной II некоторым лицам войска донского. 1 таблица. 1870. 26 стр.	20
Известия Оренбургск. отд. Географич. О-ва за годы: 1893, вып. 1; 1894 в. 5; 1895 в. 6; 1896 в. 8; 1897 в. 10-11; 1900 в. 14; 1902 в. 17; всего 10 книг.	250
Известия О-ва любит. изучения Кубанской области под ред. Сысоева. 21 таблица. 1899-902. 3 выпуска.	75
Игнатий архиеп. Речи христолюбивому воинству донскому. 1845. 120 стр.	30
Иловайские и донские казаки. 7 портр. 1914. 96 стр.	8
История Лейб-Гвардии Казачьего полка. 1876. 644 стр.	50
Известия О-ва любит. изучения Кубанской области вып. 6. под ред. Городецкого. Иллюстр. 1913. 337 стр.	30
История Оренбурга (1730-1750). 1896. 93 стр.	10
Карпов А. Уральцы. Ч. 1-я. Яицкое войско от образования войска 1550 до 1725 г. с рис. 1000 стр.	35
Казин. Казачьи войска под ред. Шенк, справочн. кн. главной квартиры. 1912. 474 стр.	32
Квитка. Записки казачьего офицера, война 1877-78 гг. 1903. 306 стр.	30
Короленко. Черноморцы. Карта 1874. 288 стр.	35
Костомаров. Бунт Стеньки Разина. 1859.237 стр.	20

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: M. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)